

Журнал специального назначения

МОРСКОЙ ПЕХОТИНЕЦ

МАЙ 2012

ПАМЯТЬ НЕ СТЫНЕЕТ

Дорогие друзья!

День Победы – самый светлый, но в тоже время волнительный праздник. Мы склоняем головы перед подвигом фронтового поколения, всех, кто сегодня с нами, и тех, кто остался в памяти навечно.

Не одно поколение выросло после той страшной войны, а память о ней живет и сегодня. К сожалению, время не остановить. Ежедневно и навсегда от нас уходят герои-победители. Эта реальность привела нашу редакцию к идее создания специального майского выпуска журнала «Морской пехотинец». Номер, который вы держите в руках, мы посвящаем ветеранам морской пехоты, ветеранам Великой Отечественной войны. Мы расскажем о боевых событиях через воспоминания самих защитников, родственников фронтовиков, очевидцев событий. Каждая история очень личная, но в каждой считается объединяющее героическое начало. Несломленный дух, негибаемый русский характер, сплоченность людей вокруг всеобщего горя – характерные черты воинов-победителей, отстоявших нашу жизнь и свободу.

В феврале этого года оборвалась жизнь большого друга морских пехотинцев страны, ветерана Великой Отечественной войны Юрия Александровича Фомичева. В дань уважения легендарному человеку, нашему товарищу мы публикуем стихи из его книги «Память не стынет».

Великое наследие уходящего поколения мы берем с собой в будущее как урок мужества и героизма. Мы хотим, чтобы дети и внуки не забывали о поступках отцов и дедов, помнили о самоотверженности нашего народа и продолжали славные боевые традиции.

С праздником вас, дорогие!

Крепкого здоровья, благополучия и долгих-долгих лет жизни.

С глубоким уважением,
главный редактор
В. С. Табачков

«МОРСКОЙ ПЕХОТИНЕЦ» – ЖУРНАЛ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ НАСТОЯЩИХ МУЖЧИН!

Он получил признание у людей, любящих свою Родину.

Наши читатели – это матросы, сержанты, прапорщики, офицеры, генералы и адмиралы, ветераны и нынешнее молодое поколение, для которых морская пехота – это больше, чем род сил ВМФ РФ! Морская пехота – это боевой дух, сила и мощь! Морская пехота – это особое состояние души, которое остается на всю жизнь!

Нас читают:

члены Совета Федерации Федерального собрания РФ, члены Совета безопасности РФ, депутаты Государственной Думы, члены Общественной палаты, главы Законодательных собраний и администраций субъектов РФ, военнослужащие Министерства обороны РФ и российских специальных служб, руководители крупных коммерческих фирм, банков и предприятий.

Морской пехотинец

Журнал Всероссийской общественной организации морских пехотинцев «Тайфун»
председатель ВООМП
генерал-полковник Яковлев В. А.

Учредитель – ООО «Альфа-Эгида»
президент Табачков В. С.

Издатель – НП Союз «Маринс Групп»
Май 2012 года

Главный редактор
Табачков В. С.
Заместитель главного редактора
Гавриленко А.Н.

Редакционный совет:
Александрова П. Г.
Евневич А. Д.
Королева Е.Н.
Шелестова В.А.
Шилов П. С.
Юхимчук В. А.
Колпаченко А. Н.

На обложке фото ветерана ВОВ
Фомичева Ю. А.

Почтовый адрес редакции:
129110 Москва
Суворовская пл., 2,
Культурный центр ВС РФ
им. М. В. Фрунзе, офис № 316
Телефон/факс (495) 681-65-99
E-mail: v.tabachkov@mail.ru

Издание зарегистрировано
в Комитете РФ по печати
Свидетельство № 014602 от 18 марта 1996 года

При перепечатке или использовании редакционных
материалов в электронных СМИ ссылка на
«Морской пехотинец» обязательна.
Точка зрения редакции не обязательно совпадает с
мнением авторов. Ответственность за достоверность
опубликованных сведений несут авторы.

Свободная цена.
В частях морской пехоты
распространяется бесплатно.

Тираж 8000 экз.

По вопросам получения и распространения
журнала обращаться в редакцию.
Сайт журнала: www.mpeh.ru

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

СЛУЖУ ОТЕЧЕСТВУ!

2

300 ЛЕТ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

4

МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОИМ

6

ЮНГА СЕВЕРНОГО ФЛОТА

10

О ЧЕМ МОЛЧАТ ГЕРОИ

14

КТО ХОТЬ ОДНАЖДЫ ВИДЕЛ ЭТО...

20

ПОБЕДИТЕЛЬ ПАУЭРСА

22

БОЕВАЯ СЛАВА ТИХООКЕАНСКОГО ФЛОТА

28

У ВОЙНЫ – НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

32

ЦЕНА СОЛДАТСКОЙ СЛАВЫ

38

СУРОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

42

ПОЗЫВНЫЕ СТОЛИЦЫ

50

РЯДОВОЙ ВОЙНЫ

52

ФРОНТОВАЯ РАЗВЕДЧИЦА

55

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, КРАСНОФЛОТЕЦ!

60

В МОРЕ, КАК ДОМА

62

В. А. Яковлев возглавляет Всероссийскую общественную организацию морских пехотинцев «Тайфун» с 2001 года. Валентин Алексеевич – заслуженный морской пехотинец, кавалер многих государственных наград – проводит большую организаторскую работу по объединению усилий 56 региональных общественных организаций морских пехотинцев на территории Российской Федерации, ветеранов морской пехоты и действующих офицеров, направленную на укрепление и дальнейшее развитие славных традиций морской пехоты России от Петровских времен до наших дней.

Основу ВООМП «Тайфун» составляют участники Великой Отечественной войны. В рядах организации более двадцати тысяч воинов-интернационалистов, выполнявших воинский долг в различных «горячих точках» земного шара: Анголе, Вьетнаме, Гвинеи, Египте, Йемене, Кубе, Сирии, Сомали и Эфиопии. В базе данных организации более шести тысяч морских пехотинцев, участвовавших в наведении конституционного порядка в Северо-Кавказском регионе, и более пятидесяти тысяч морских пехотинцев, прошедших службу в ВМФ СССР и РФ.

Уважаемый Валентин Алексеевич!

70-летний юбилей – это значимое событие. Редакция журнала «Морской пехотинец», морские пехотинцы, находящиеся на военной службе, ветераны Великой Отечественной войны и послевоенного периода желают Вам:

Успехов новых и побед,
Здоровья крепкого и бодрости,
Удачи, счастья, долгих лет!
Труду Вы отдали сполна
Свои успешные года.
Не верится, что семьдесят
Вы с нами отмечаете.
Желаем Вам жить счастливо,
Беречь себя, нас радовать,
С улыбкой, в добром здравии
Столетие отпраздновать!

Служу Отечеству!

Генерал-полковник Яковлев Валентин Алексеевич родился 7 мая 1942 г. в с. Новый Торьял, Новоторьяльского района Марийской АССР. Окончил Ленинградское высшее общевойсковое командное училище им. С. М. Кирова в 1965 г., Военную академию им. М. В. Фрунзе в 1974 г., Военную академию Генерального штаба им. К. Е. Ворошилова в 1984 г. С 1961 г. по 1998 г. служил в Вооруженных Силах на различных должностях, в том числе: командир отдельного полка морской пехоты Черноморского флота, командир дивизии морской пехоты Тихоокеанского флота, командир армейского корпуса; был советником командующего особым военным районом Народной Армии Социалистической Республики Вьетнам; занимал пост первого заместителя начальника Главного управления кадров Министерства обороны РФ; в 1997 – 1998 – военный инспектор Государственной военной инспекции Президента РФ. Награжден орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» II и III степеней, двенадцатью медалями.

Рожденный в самый разгар Второй мировой войны, в первую декаду мая, на которую придется чуть позже окончательная победа над врагом, Валентин Алексеевич всю свою жизнь посвятил служению Родине, многие десятилетия охраняя ее рубежи под флагом морской пехоты. Седьмого мая 2012 года ему исполняется семьдесят лет. Накануне знаменательного события корреспондент журнала «Морской пехотинец» встретился с генерал-полковником.

– Глядя назад, я в первую очередь могу сказать, что мне всегда везло встречать на своем пути замечательных людей: умных, красивых – это то, что объединило все годы службы и, в целом, жизни. С этими людьми мне пришлось выполнять многие задачи как мирные, так и боевые. Ну а если говорить о конкретных памятных событиях прошедших лет, то, скажем, детские годы были тяжелыми, послевоенными: потеря родителей, воспитание в детском доме... Первым ярким событием для меня стало распределение после окончания Высшего общевойскового командного училища им. С.М. Кирова в Ленинграде в морскую пехоту. Тогда послевоенная морская пехота только формировалась. Желавших попасть в ее ряды было много, а отобрали всего пять человек, в числе которых был и я. Вот это событие стало для меня судьбоносным, определившим мою судьбу на десятилетия вперед. За годы службы прошел путь от командира взвода до командира дивизии морской пехоты. Ярким воспоминанием осталось в памяти начало выходов в мировой океан для несения боевой службы. Мы гордились, что представляем свою Родину далеко за ее пределами, несем ее флаг,

а вместе с ним офицерскую честь и гордость. Мне довелось отслужить на трех флотах: Балтийском, Черноморском и Тихоокеанском.

Одной из моих задач в центральном аппарате МО было выявление и вручение наград участникам войны, которые по тем или иным причинам не были вручены ранее. Это большой отрезок жизни и памяти: когда люди заслужили награды и получали их через сорок, пятьдесят лет – такое разве забудешь? Общественная работа была продолжена в дальнейшем в организации «Тайфун». За годы работы в ней, а это ни мало ни много шестнадцать лет, много было сделано. Это и организация и проведение 300-летия морской пехоты в 2005 году. Мы готовились года полтора активно во всех 42 субъектах, где представлены региональные организации «Тайфун». Отметим эту дату достойно, с уважением к людям, постарались охватить как можно больше, особенно ветеранов, ведь задача нашей организации – не потерять связь поколений и передачу традиций из поколения в поколение. Над этой задачей мы трудимся и теперь.

– **Связь поколений морских пехотинцев. Как она осуществляется?**

– В наш состав входят не только ветераны, но и морские пехотинцы, которые выполняют сегодня боевые задачи, свой долг служения родине. Мы выезжаем к ним в воинские части, встречаемся с ними, пытаемся решить возникающие у них трудности. Эта связь поколений обеспечивает нам сохранность традиций, сохранность истории морского флота, которой идет уже четвертый век. Идут годы, уходят ветераны. За последние годы от нас ушло более 250 человек. Это информация по линии нашей ор-

ганизации «Тайфун». Реальные цифры гораздо значительнее. Мы стремимся передать традиции и опыт ветеранов молодому поколению. Ведь если нет достойного патриотического воспитания, которое основывается на примерах прошлых веков, на победах отцов и дедов, защищавших ее ценой своей жизни, то армия, сформированная на контрактной основе, просто разбежится при виде противника. Причем бежать она будет пропорционально сумме своей зарплаты. Мало заплатят – тихим ходом убежит, много – быстрее. Не будет у солдат и матросов отваги и любви к родине, как у тех миллионов, головы которых были положены в боях за Родину во Второй мировой войне. Вы со страниц своего журнала об этом рассказываете: о тех героях, о традициях флота, ведете работу по передаче той важной, связующей поколения морских пехотинцев информации, это важно. Очень. Спасибо вам за это!

– **Что вы можете пожелать ветеранам и нынешним военнослужащим в канун Дня Победы?**

– В канун нашего общего праздника – Дня Победы очень хотелось бы в первую очередь обратиться ко всем ветеранам и от всего сердца пожелать им здоровья. Ими много пройдено, выполнено много трудных задач. Они уже столько сделали для всех нас! Пусть они будут здоровы! Мы им помогаем, чем можем, но главное им – держаться вместе, поддерживать друг друга, не замыкаться в себе. Ну а нынешним защитникам хочется пожелать успешного овладения оружием, а главное, чтобы они учились – учились у своих предков, у своих предшественников, у наших дорогих ветеранов.

Регина НОСЫРЕВА

300 лет на службе Отечеству

В сухопутном музее школы № 311 Бабушкинского р-на Москвы состоялось открытие морского уголка ВМФ и морской пехоты под общим названием «300 лет на службе Отечеству». Его открытие было приурочено к 23 февраля и годовщине вывода наших войск из демократической Республики Афганистан. Идея открытия его принадлежит членам центрального совета международной общественной организации морских пехотинцев Бабатову Ю. А. и Горностай-Польскому Ю. А. Молодежь должна знать свою историю и гордиться ею, достижениями своих отцов и дедов.

На открытии экспозиции присутствовало много гостей. Среди них глава управы района, ветераны. Руководитель одного из школьных музеев столицы М. Н. Матросов преподнес в дар морскому уголку подборку уникальных фотографий, которые никогда не были опубликованы. Этот фотоархив принадлежит фотокору, чей снимок известен всей планете: командир с ракетницей «За Родину, за Сталина». На фото морская учебка перед отправкой на передовую. Директору школы А. Б. Безродных и руководителю школьного музея Н. Б. Каплунову представители МОО МП «Тайфун» вручили медали «За содействие морской пехоте». Воспитанники учебного заведения подготовили для гостей праздничную программу. Многие из старшеклассников выразили желание служить в морской пехоте.

ВЕСНА ПОБЕДЫ

Ю. А. Фомичев

Склонивши голову, ушел в какие дали?
Стоит моряк у вечного огня,
А на груди и орден, и медали,
И губы шепчут даты...имена...

Атаки ль гром вновь слышится ему?!
Сейчас не с нами он. Глаза его грустны.
И вспоминает юность он, минувшую войну,
А в голове уж много седины.

То результат былых потерь, атак...
В которые ходили в полный рост матросы.
И это было, было, это было так,
И есть у них тяжелых ран затесы.

Что вспоминает он? Одессу? Севастополь?
Отчаянный штурм Керчи? Митридат?

Эсэсовцев отчаянные вопли?
В развалинах, в дыму наш гордый Сталинград?

Что вспоминает он? Проспекты Ленинграда?
Бои за Волоколамск? Торжок?
Прорыв на Ханко? Эйзель? Даго?
Десант на Невский пятачок?

Что вспоминает он? Как жгла друзей военная гроза?
Без ран, смертей не проходило дня.
Туманит его взор невольная слеза:
Сегодня он один у Вечного огня.

Да, много, много дней не знает войн страна.
Пришли давно домой матросы и солдаты,
Бушует снова над Москвой весна
Такая же, как в мае, в сорок пятом!

Мы за ценой не постоим

Меняются времена, эпохи, с каждым днем становится все меньше героев одного из самых главных и в то же время самого страшного события в истории нашей страны – Великой Отечественной войны. Один из них – морской пехотинец Михаил Павлович Яблоков.

Небольшая уютная квартира в Екатеринбурге. Ее хозяин всегда рад гостям. Большую часть своей жизни Михаил Павлович прожил в Екатеринбурге, здесь встретил свою половинку, воспитал двух дочерей и трех правнуков.

Родился Михаил Павлович в Костроме 24 ноября 1918 года, в октябре 1938 года был призван в ряды Красной армии.

В это время в Кострому приехали моряки из Севастополя – старшие офицеры, которые отобрали из новобранцев 25 человек и отправили их на курсы молодых краснофлотцев. Среди молодых парней был и Михаил Павлович.

– По прибытии в Севастополь всех призывников обрили наголо, все стали на одно лицо, никто никого не узнавал, – с улыбкой вспоминает ветеран. – Курсы проходили в течение шести месяцев на базе учебного комбината, основной упор был сделан на строевую подготовку, маршировать приходилось по восемь часов в день! Но никто не жаловался и не устал, а, напротив, все с энтузиазмом выполняли приказы командиров.

В феврале 1939 года Михаила Яблокова направили в школу младших командиров в Батуми, где в мае он принял военную присягу. После окончания школы в ноябре 1940 года Михаил Яблоков был назначен командиром отделения пулеметчиков 57-го отделения зенитного артиллерийского дивизиона. В это же время шла финская война, в которой были задействованы Московский и Ленинградский фронты. В это время Михаил Павлович занимался подготовкой мобилизованных грузин для охраны порта Поти в Батуми. Никто из них тогда и не подозревал, что вскоре они лицом к лицу столкнутся с ужасами войны, о которой все только слышали. С этого момента начался отчет военной жизни, которая вместо двух лет растянулась на девять.

Свой последний мирный день Михаил Павлович помнит плохо, но навсегда в памяти отложилось сообщение Левитана о начале войны.

– Тогда немецкие войска в день преодолевали по двести километров. У них была техника, танки, а у нас в сражениях была задействована в основном конная армия. Конечно, все боялись погибнуть, все хотели жить...

Именно стремление выжить, борьба за свою жизнь помогли Михаилу Павловичу пройти всю войну.

В августе 1942 года Михаил Яблоков был направлен в 143-ю бригаду морской пехоты и назначен командиром отделения автоматчиков. Основная задача – боевая и политическая подготовка, высадка десанта с моря на берег. В составе 143-й бригады он принял свой самый первый и страшный бой, став защитником Сталинграда.

– Там была настоящая мясорубка. Корабли были практически полностью открыты, и от пуль укрыться было сложно, – вспоминает Михаил Павлович. – Двадцать четвертого декабря 1942 года в одном из сражений я получил ранение в голову и попал на лечение в город Ершов Саратовской области. Лечение продлилось четыре месяца, а в марте 1943 года я был отправлен в Ульяновский полуэкипаж, где был назначен командиром отделения автоматчиков 369-го батальона морской пехоты на Азовском море в приморско-ахтарской станице. Здесь,

в рядах роты Ольшанского, он принимал участие в военных действиях по освобождению города Осипенко от фашистских захватчиков.

О событиях, которые там происходили, Михаилу Павловичу очень тяжело вспоминать.

– После освобождения Осипенко большую часть нашей роты направили освобождать от фашистов город Николаев, меня и еще восемнадцать человек отправили на Керченский полуостров. Это решение штаба спасло нам жизнь, из Николаева никто не вернулся, всем присвоено звание Герой Советского Союза посмертно, – с дрожью в голосе вспоминает Михаил Павлович.

Но судьба вновь посылает ему испытание. Испытание на прочность. В ноябре 1943 года в Керченском проливе был сильный шторм, в это же время немцы открыли огненную атаку по кораблям. Один из снарядов попал в корабль, на котором находился Михаил Павлович. В момент удара он был со своим товарищем на корме, и взрывной волной их выбросило в ледяную воду. Находились они в полутора километрах от берега, помощи ждать было неоткуда, все корабли ушли в более тихое место. Солдатам пришлось провести в ледяной воде около двух суток,

зацепившись за бревно, которое осталось от переправы. Утром с берега их заметили и вытащили обессиливших солдат из воды, доставили в штаб, где уже находились около двадцати семи солдат, которые потеряли свои корабли, или, как их здесь называли, – «утопленники». Чтобы спасти жизнь солдатам, их растирали спиртом.

– Все тело ломило, я попросил медсестру дать глотнуть немного спирта, но стало еще хуже. Выйти из госпиталя мы смогли лишь спустя несколько ме-

сяцев, служить остались на Керченском полуострове. Здесь нас ждало еще одно испытание. Необходимо было построить переправу протяженностью четыре километра. На своих плечах нам в ледяной воде приходилось строить переправу, переносить строительный материал – все это происходило под нескончаемым обстрелом фашистов. Переправа была необходима, как воздух, – по ней должны были на понтонах переправлять армейские части, боеприпасы и технику.

Но в июле 1944 года началась эпидемия брюшного тифа, Михаил Павлович и его товарищи были отправлены на лечение в военный госпиталь города Керчь.

После выздоровления в октябре 1944 года Михаил Павлович попал в Новороссийский полуэкипаж, где был назначен командиром отдельной роты автоматчиков 84-го батальона морской пехоты и был отправлен в Констанскую военно-морскую базу в Румынии, где и встретил День Победы над фашистскими захватчиками. Но на этом военная служба для него не закончилась. В мае 1946 года Михаил Павлович был направлен в Болгарию в город Варну на военно-морскую базу. А в декабре 1946 года по указу Совета Министров СССР от 22 октября 1946 года он был демобилизован. А уже в следующем году закончилась кочевая военная жизнь, длившаяся для Михаила Павловича около девяти лет. За военные заслуги Михаил Павлович награжден многими наградами, среди них: медали «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», орден Отечественной войны I и II степени.

– Когда я получил свою первую награду, – вспоминает Михаил Павлович, – я его спрятал в нагрудный карман, там я его проносил всю войну, как-то смущался выставлять его напоказ, ведь я просто занимался своим делом и никогда не считал себя героем.

К окончанию войны семья Михаила Павловича, его родители переехали в Свердловск (ныне Екатеринбург), туда и вернулся Михаил Павлович. Уже после многих лет вспоминаются и светлые моменты, которые были на войне – это фронтовые песни у костра, рассказы солдат о довоенной жизни, ну и, конечно же, самая крепкая дружба.

Сейчас Михаилу Павловичу девяносто четыре года, но он активен, на нем всегда ставшая уже родной тельняшка – неразрывная нить с прошлым и морской пехотой.

– На войне я выжил благодаря своему оптимизму. Он мне помогает и сейчас. Я верю, что у нас с вами все будет хорошо. Ведь мы воевали ради лучшей жизни для своих потомков. И она должна непременно быть.

Екатерина ТРЯСЦЫНА

СОРОК ПЕРВЫЙ ГОД

Ю. А. Фомичев

Начало лета помню, был сорок первый год.
По улицам Кронштадта шагали гордо мы.
По кораблям расписаны все на Балтийский флот,
Готовились к присяге, не ждали мы войны.

Она вломилась к нам...в разрывах бомб дороги.
К постам матросы встали в готовности «Один».
Вышли на фарватер по боевой тревоге,
На кораблях имели комплект снарядов, мин.

Столица флота Таллин вся пламенем объята...
В Эстонии фашисты...Флот в море уходил...
Завидная судьба нам выпала, ребята,
Мы защищали Родину и не жалели сил.

Так служба начиналась, те дни так далеки,
Но вспоминаю все, когда на встречи еду,
На море и на суше сражались моряки,
Платили жизнями за каждую победу.

Виски посеребрило соленую водой,
Друзья матросы — братья! Не надо громких фраз.
Крича, тоскуют чайки над штормовой волной,
Рыдают, стонут рынды...Осталось мало нас.

Не все мы пережили кошмар блокадных дней.
Всю жизнь не забываем погибших здесь ребят.
Не бьют на рейде склянки и мало кораблей,
В год дважды навещаем их и тебя, Кронштадт.

Юнга Северного флота

Мы познакомились с ним совершенно случайно, когда в преддверии Дня Победы традиционно поздравляли ветеранов. С скромный, не словоохотливый, скорее внимательный слушатель, но нам все-таки удалось разговорить Константина Дмитриевича Смирнова за чашкой чая.

Коренной свердловчанин, родился он 28 июня 1928 года, окончил пять классов общеобразовательной школы. Когда началась война, ему было тринадцать лет, и по комсомольской путевке в августе 1943 года Константин Дмитриевич вместе с другими добровольцами из Свердловска был отправлен вторым набором в школу юнг, находившуюся на острове Соловки. В то время там уже находилось несколько рот. Приходилось учиться жить в новых усло-

виях. Разместились в землянках на берегу озера. Днем учились в здании церкви, вечером трудились на судостроительном заводе, помогали взрослым ремонтировать катера. Времени на отдых не было. Вскоре Константин Дмитриевич получил специальность «рулевой» и был направлен на Балтийский фронт во 2-й дивизион сторожевых катеров. Двадцать пятого января 1944 года принял военную присягу. А уже в ноябре 1944-го молодые парни, каждому из которых было по пятнадцать-шестнадцать лет, получили боевое крещение.

В боевую задачу ребят входило обследование берегов, перевозка десанта, отслеживание и уничтожение подводных лодок противника. Это, казалось бы, не героический подвиг, но «морские охотники», именно так называли юнг на катерах, ценой своей жизни прокладывали путь советским войскам. Обследование берегов происходило на открытом водном пространстве, катер был как на ладони, и над головой нередко пролетали вражеские самолеты, против которых три орудия фактически были бессильны. На дежурство выходили с одной мыслью – «или победа, или смерть», другой установки не было. В один из таких дней в катер, на котором находился Константин Дмитриевич, попал снаряд, Константина контузило, и он был направлен на лечение в госпиталь. После госпиталя был приказ о направлении на «зимние квартиры», которые находились на Васильевском острове в постблокадном Ленинграде. Здесь приходилось самостоятельно ремонтировать катера на судостроительном заводе. В то время катера были деревянными, оснащенными тремя пулеметами, немцы же имели на вооружении бронированные катера. Но, несмотря на это, катера модели ДЗ (деревянный третьей модели) были более маневренные и, если получали пробоину, имели больше шансов остаться на плаву, чем бронированные катера фашистов.

– Один из самых страшных моментов, – вспоминает Константин Дмитриевич, – был, когда мы возвращались с дежурства на берег, в крошечной тьме, и один из матросов увидел мину, которая находилась по правому борту катера. Малейшая волна – и от катера не осталось бы и щепки. Один из членов команды осмелился прыгнуть в воду, сердце у

всех замерло, парнишка руками отвел от борта мину и тем самым спас всех членов команды. Отойдя на безопасное расстояние мы взорвали мину, чтобы она уже никому не смогла навредить.

– Мы пришли на войну еще мальчишками, иногда между боевыми дежурствами дурачились как дети, – с улыбкой говорит Константин Дмитриевич, однажды соревновались, кто быстрее переплышет устье Невы, расстояние в три километра! Однажды я попал в масляное пятно, так пришлось потом отмываться бензином!

Победу Константин Дмитриевич встретил там же, в Ленинграде.

– Люди в то время были добрее, объединило так всех одно большое горе, одна беда – война. Когда мы были в Ленинграде, во время объявления окончания войны горожане буквально носили моряков на руках, так они были благодарны.

После Ленинграда Константин Дмитриевич был откомандирован на военноморскую базу в Ригу, где в июне, получив ранение в грудь, вновь попал в госпиталь, откуда демобилизовался в августе 1946 года.

По возвращении в Екатеринбург Константину Дмитриевичу пришлось начинать жизнь буквально с нуля, необходимо было получить образование, да как-то научиться зарабатывать себе на хлеб, времена были тяжелые. Но закаленный в боях юнга прошел путь от пионервожатого в родной школе до руководителя одного из самых крупных предприятий Екатеринбурга, которого, к сожалению, уже не существует.

Сейчас Константин Дмитриевич регулярно проводит встречи с молодежью, занимается военно-патриотическим воспитанием, рассказывает реальные истории из жизни моряков.

– Детишкам очень нравится разглядывать медали, – смеется ветеран, – им это очень интересно.

Среди медалей особо ценные для ветерана – это орден Отечественной войны, медаль Ушакова, медаль «За победу над Германией» и другие.

– Однажды по телевизору показывали художественный фильм о войне, назывался он «За тех, кто в море», у меня даже сердце защемило, потому что съемки проходили на моем родном катере «603», – поделился с нами ветеран и пригласил на День Победы в школу № 51, где сейчас находится музей юнг Северного флота.

Екатерина ТРЯСЦЫНА

ЕГОРОВ ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился в 1913 году в д. Теплые ключи Высокогорского района Татарской АССР. Кроме Василия, в семье воспитывались еще десять сыновей.

Кадровый военный. Окончил Казанское высшее военное танковое училище.

В 1941 году проходил службу в Латвии. В мае 1941 года (за месяц до начала войны) все войска срочно были переброшены на границу с Польшей. В военном городке остались только семьи офицеров и обслуживающие подразделения. Двадцать пятого мая – этот день стал последним, когда Василий видел свою жену Антонину и троих детей в последний раз.

Командование части позаботилось о родных и близких ушедших на фронт бойцов. Когда начались первые бомбежки, все женщины и дети в срочном порядке были отправлены на железнодорожный вокзал, где беженцев уже ждали составы, шедшие вглубь страны. Всем семьям заранее были подготовлены сопроводительные документы. На каждой станции, где останавливался поезд, людей кормили, оказывали необходимую помощь.

Егоров Василий Алексеевич пропал без вести в первые дни войны...

Все мужчины семьи Егоровых погибли в разные годы войны. С фронта вернулся лишь один, но и тот умер вскоре от множественных ранений.

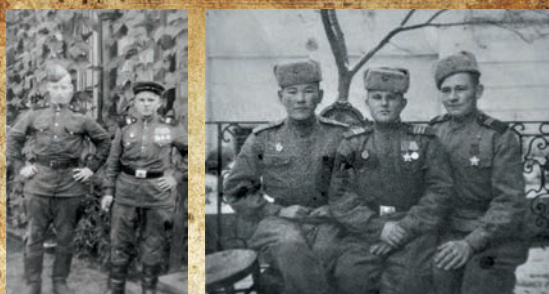

КОЗЛОВА ГАЛИНА ИВАНОВНА

В апреле 1942 года после окончания медицинского училища добровольно ушла в армию, а в мае уже была отправлена на Дальний Восток в Приморский край в город Хароль в 384-ю стрелковую дивизию. Работала санинструктором в медсанбате. После объявления войны с Японией госпиталь был переброшен в Северную Корею в город Пхеньян, где Галина проработала до сентября 1945 года. В июле 1946-го была демобилизована и продолжала работать в госпитале до декабря 1948 года. Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Японией».

Родные братья Галины Ивановны: Демьян Иванович, Ефим Иванович и Григорий Иванович участвовали в боевых действиях с 1941-го по 1945 годы, имели ранения, были награждены правительственными наградами.

Муж Галины Ивановны Николай Филиппович – кадровый военный – проходил военную службу с 1938-го по 1964 годы. Его братья: Федор, Иван и Илья участвовали в Великой Отечественной войне. Иван и Илья погибли.

ЮДИН НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Старший сержант 374-го гвардейского танкового полка (командир танка).

Родился в Куйбышеве в 1923 году. Окончил семь классов. Началась война. Добровольцем ушел на фронт. После шести месяцев артиллерийской подготовки в 45-м артполку первый свой бой принял под Смоленском. Был ранен. После госпитализации вернулся в строй уже командиром танка 374-го гвардейского полка. Воевал на Курской дуге. Дошел до рейхстага. Там вместе с генералом армии Жуковым оставил свой автограф на стене. После этого были освободительные бои в Чехословакии, Польше. В апреле 47-го года Николай Васильевич вернулся домой. До пенсии работал на Самарском металлургическом заводе старшим мастером.

За годы войны был трижды ранен. Последний осколок врачи достали семь лет назад. За боевые подвиги удостоен: ордена Красной Звезды, ордена Красного знамени, ордена Отечественной войны, ордена Славы, медали «За отвагу», медали «За боевые заслуги».

БУРАКОВ ТИМОФЕЙ ЕВЛАМЬЕВИЧ

Родился 14 февраля 1908 года в Забайкальском крае станции Дарасун, в большой казачьей семье.

В первые же дни Великой Отечественной войны Тимофей Евлампьевич был призван в Советскую Армию. Он служил разведчиком в Забайкальской дивизии 2-го Украинского фронта. В 1944 году был ранен и направлен в госпиталь. После выздоровления вновь вернулся в свою дивизию и до окончания войны служил на территории Украины, где вел борьбу с украинскими националистами.

За заслуги перед родиной, проявленные мужество и героизм в борьбе с фашистами и украинскими националистами Бураков Т.Е. был награжден орденом Красной Звезды и орденом Победы первой степени, а также многими боевыми медалями.

В сентябре 1945 года разведчик Бураков в составе Забайкальской дивизии был переведен в Монголию, где стал участником боев на реке Халхин-Гол. Тимофей Евлампьевич освобождал территорию от остатков Имперской Квантунской армии (японцы), за что был награжден боевой медалью «За победу над Японией».

В 1948 году был демобилизован и вернулся домой к мирной жизни.

РАСИХИН ВЛАДИМИР МАТВЕЕВИЧ

Родился в г. Дмитриеве Курской области в 1925 году. Окончил восемь классов и ремесленное училище.

После учебы принял военную присягу в мае 1943 года в звании рядового. Ему было восемнадцать лет, когда командование отправило его учиться на офицера.

Не окончив учебного заведения, он был отправлен на фронт в звании рядового. Зачислен в Первый московский лыжный батальон. В том же 1943 году Владимир Матвеевич становится разведчиком.

Весной 1944 года Владимир Матвеевич со своими сослуживцами взяли «языка». Им оказался генерал фашистской армии. Все разведчики, кто участвовал в этой операции, были удостоены награждения орденом Красной Звезды, кроме Владимира Матвеевича, так как во время взятия «языка» В. М. Расихин получил ранение левой ноги, попал в госпиталь и был направлен в другую часть, а после выхода из госпиталя об этом никто не вспомнил...

Дошел до Берлина. Летом 1945 года Владимир Матвеевич вернулся домой. В возрасте около пятидесяти лет из-за обострения последствий полученных ранений Владимир Матвеевич лишился левой ноги, а через несколько лет лишился и второй из-за развившейся гангрены.

В мирное время женился, и жена ему родила двух сыновей.

За боевые подвиги удостоен: медали «За отвагу», медали «За боевые заслуги», медали «За взятие Кенигсберга», медали «За победу над Берлином».

Самой большой гордостью деда была медаль «За Отвагу», он ее всегда надевал на каждый праздник 9 Мая.

РОГАНКОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

Политрук, заместитель командира 140-го отдельного батальона связи.

Родился в 1905 году.

На войну был призван в качестве связиста. Обеспечивал связь подразделениям и батальонам на передовой.

В ходе выполнения боевых заданий он умело использовал средства связи, постоянно совершенствовал способы организации связи и улучшал свою специальную выучку и мастерство.

Высокая сознательность и горячая любовь к Родине, осознание ответственности за порученное дело, железная воинская дисциплина – все это отличительные черты воинов-связистов советских Вооруженных сил, героически сражавшихся за свободу и независимость своей великой Родины.

Верные военной присяге, они самоотверженно несли свою предельно важную службу и были готовы не только «дать связь», но и мужественно с автоматом и гранатой в руках сражаться с ненавистным врагом.

ШИЛОВ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ

Родился в 1913 году в городе Сокол Вологодской области.

Сергей Павлович попал на фронт еще во время советско-финской войны и оставался в строю до 1945 года в составе Первого украинского фронта. За это время он прошел путь от рядового до начальника узла связи штаба армии. За героизм и мужество Сергей Павлович был удостоен множества наград, в числе которых орден Красной Звезды и два ордена Великой Отечественной войны.

ШИЛОВА ЛЮДМИЛА ДМИТРИЕВНА

Родилась в 1924 году в городе Астрахань.

Людмила Дмитриевна участвовала в войне с 1942-го по 1945 год. Во время Сталинградской битвы и битвы на Курской дуге обеспечивала связь штаба армии с фронтом, работала механиком «Бодо».

Именно на фронте в 1943 году она и познакомилась с Сергеем Павловичем. Людмила Дмитриевна награждена орденом Красной Звезды и орденом Великой Отечественной войны. После увольнения Сергея Павловича из рядов Вооруженных сил в 1945 году они вместе активно занимались восстановлением мирной жизни, воспитанием детей. Двое из трех сыновей связали свою жизнь с военной службой.

МАСЛОВ ПЕТР МАКСИМОВИЧ

Родился в 1924 году в деревне Ченцы, Калезинский р-н, Калининская область.

Участник боевых операций на Курской дуге, освобождал Белоруссию, Польшу. Трижды ранен. Командир минометчиков, пехотинец.

В сожженной фашистами белорусской деревне советских воинов встретила старая женщина, плача от радости, целовала руки русским солдатам. А потом, собрав веточек и соломок, на два кирпича поставив котелок, сварила солдатам лапшу из петуха, которого берегла всю оккупацию. Сама голодала, а солдатам отдала.

Во время форсирования р. Висла был тяжело ранен и Победу встретил в госпитале. Был награжден медалью «За отвагу».

МАСЛОВА ЕВДОКИЯ ТРОФИМОВНА

Родилась в 1921 году. Труженица тыла.

Всю войну работала на оборону. В тяжелых условиях валила лес, рыла окопы, строила блиндажи при обороне Ржева. За самоотверженный труд награждена медалью «За труд в Великой Отечественной войне».

О чем молчат герои

Мой дед был строг и не любил рассказывать о войне. Не любил по тому, что он ее прошел и пережил, а многим так и не довелось... Я мог бы узнать у него – Героя Советского Союза, многое о тех страшных, героических годах. Догадывался, что все они навечно сохранятся в его памяти такими же пульсирующими болью и пропитанными боевым духом. Но услышать о них от сурового деда мне так и не доведется – тема войны, последний день которой он встретил в мае 1945 года в Берлине, была для него за-

крытой. Мне, малышу с пластмассовым автоматом наперевес, он об этом не мог и не хотел рассказывать.

Его история – это история сражений 5-й ударной армии и входившей в ее состав 295-й стрелковой Херсонской трижды орденоносной стрелковой дивизии.

История старшего сержанта Героя Советского Союза Василия Аверьяновича Губы началась в 1911 году в небольшом поселке Аскания Нова Трицкого района Херсонской области, где жили и трудились крестьянами его родители. Беззаботное детство в живописном

украинском поселке в окружении девяти братьев и сестер многочисленной семьи Губа было солнечным. Жизнь шла своим чередом: работа в поле, взросление, а позже уже и женитьба, создание собственной семьи, дети. Василий Аверьянович уже готовился стать отцом в третий раз, когда пришла война. Третьим ребенком, самым младшим, стала моя мать, родившаяся в 1941 году. Война для деда началась еще до ее рождения.

С первых дней армия проявила себя в оборонительных боях на Украине, на Дону и Северном Кавказе. С предгорий Кавказа начала она 31 декабря 1942 года свой героический наступательный путь, который закончился активным участием дивизии в штурме Берлина, где ранним утром 2 мая 1945 года в войне с фашизмом была поставлена последняя точка, когда воины 295-й стрелковой дивизии штурмом овладели Бранденбургскими воротами на Паризер Платц в самом центре Берлина. Боевой путь 295-й стрелковой дивизии в годы Великой отечественной войны превысил 11 тысяч километров, из которых почти 2200 километров были пройдены в боях. Воины дивизии освободили более 340 населенных пунктов от предгорий Кавказа до реки Прут в Молдавии, в том числе не один десяток крупных городов и других крупных населенных пунктов. Дивизия освобождала Польшу, громила немецких захватчиков на их собственной земле в Германии. Солдаты и офицеры дивизии форсировали в боях много крупных и малых рек, в том числе Южный Буг, Ингулец, Вислу, Пилицу, Одер и, наконец, Шпрее в Берлине, а также такие крупные водные преграды, как Куяльницкий и Хаджибейский лиманы под Одессой. Одним из самых страшных эпизодов военных действий стало форсирование Днепра. Тогда из боя за удержание плацдарма, в котором принимало участие шестьсот человек маршевого батальона – батальона новобранцев, выжило лишь четверо. В их числе оказался и младший сержант Василий Губа. Чтобы сохранить силы двигаться дальше, сохранить боевой дух или даже ясный ум после всего пережитого и увиденного, надо было четко и неукоснительно видеть цель и идти к ней. Вопреки всему. Для него, истинного

казака, этой целью стало вернуться в семью, к детям, которых еще нужно было поднять на ноги, защитить, прокормить и дать воспитание. Он должен выдерживать, выстоять. Он должен выжить.

Из воспоминаний полковника в отставке И. Свиридова, бывшего начальника штаба 295-й стрелковой дивизии:

«Вспоминается середина лета 1944 года. Дни стояли знойные и безветренные. Солнце, поднимаясь над горизонтом, как бы плавилось, разливая свои лучи по желтеющим полям зрелого, но еще не убранного хлеба и сухой колосчатой травы. Воздух накалялся до предела. Пот заливал глаза, дышать было трудно. Все были разморены, и каждого тянуло укрыться в тени. Первый батальон 1038-го стрелкового полка под командованием подполковника Василия Николаевича Любко занимался боевыми стрельбами, совершенствованием тактической подготовки мелких подразделений и отработкой взаимодействия с артиллерией в наступательном бою.

В один из таких жарких дней – 29 августа 1944 года шел в строю, преодолевая километры пути под палящим солнцем, и Василий Губа. В этот раз их направили на выполнение Яско-Кишиневской операции, где главная роль по дезинформации вражеских войск отводилась 5-й ударной армии. Перед ее соединениями и командованием была поставлена ответственная задача: приковать к своей полосе обороны максимум сил 6-й немецкой армии, оборонявшей Кишиневское направление, не позволить немцам снять отсюда хоть одно соединение и перебросить его к району образовавшегося прорыва, когда советские войска примут наступление в районе Кицканско-Копанского плацдарма. В операции по овладению городом Кишиневом бойцы, сержанты, офицеры и генералы показали возросшее воинское мастерство, боевую вырубку и героизм, мужество и отвагу. 295-я стрелковая дивизия захватила железнодорожную станцию Кишинева. В уличных схватках блестяще проявил себя и личный состав 1038-го стрелкового полка.

С долгожданной осенью, принесшей живительную прохладу, 5-я армия была выведена из состава 3-го Украинского фронта и переброшена эшелонами на 1-й Белорусский фронт. И снова километры пути под дождем и ветром, и снова враг на новых рубежах. К Берлину соединения 5-й ударной армии подошли уже в январе. Победа близилась, а цена за нее

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМИ

Боевое ЗНАМЯ

Красноармейская газета

№ 80

Вторник, 20 июня 1944 г.

№ 80

Запасные позиции

(РАССКАЗ БЫВАЛОГО ВОИНА)

Запасные позиции для пулемета в обороне играют большую роль. При помощи запасных позиций, связанных между собой глубокими ходами сообщения, пулеметчик может маневрировать огнем и сохранить себя и пулемет от поражения.

В Боевом уставе пехоты говорится:

«Длительное ведение пулеметного огня с одной позиции недопустимо, так как пулемет будет обнаружен противником и уничтожен. Поэтому командир отделения обязан выбирать, кроме основной позиции, не менее трех запасных и своевременно переводить на них отделение. Основная и запасные позиции должны быть связаны скрытыми путями».

Вполне понятно, что как основная, так и запасные огневые позиции должны быть тщательно замаскированы. Обычно, в ожидании контратаки немцев, мы стреляем с запасной позиции и лишь когда противник подойдет на дистанцию до 400 метров, открываем огонь с основной позиции.

В последних боях мы действовали так. На левом фланге взвода соорудили запасную огневую позицию и оттуда за частую вели огонь, а затем уходили. И вот немцы, перед ночной контратакой, сосредоточили

по этой огневой позиции артиллерийский огонь и считали, что подавили ее. Затем вражеская пехота атаковала нас. Большая группа немцев пошла на левый фланг. Я быстро перешел со второй запасной позиции на основную, которая находилась уступом влево, и встретил гитлеровцев яростным огнем. Враг этого не ожидал и, понеся большие потери, отступил.

Где нужно сооружать запасные позиции?

Находясь в обороне, мне приходилось иногда выносить огневые позиции за боевые порядки стрелков для ведения кинжального огня. В этом случае впереди лежащая местность хорошо простреливалась и противник никуда не мог спрятаться. В то же время, для ведения фронтального заградительного и сосредоточенного огня по дальним подступам к переднему краю, я делал запасные позиции в глубине обороны на небольшой возвышенности. Все мои позиции были скрыты от глаз противника и связаны между собой ходами сообщения.

Благодаря маневрированию, мой пулемет всегда действует на наиболее угрожаемом направлении, а расчет не имеет потерь.

Мл. сержант В. Губа,
орденоносец.

все росла и росла, и список тех, кто не встретит ее, пополнялся однополчанами, среди них оказались братья и сестры Василия Губы. Вернуться в родной поселок посчастливится лишь двум из девяти тех, кто когда-то бежал по полям Аскании Нова в далеком 1911 году.

Но, несмотря на потери и боль утрат, 5-я ударная армия продолжала свой победный путь. Двадцать девятого января ее соединения вступили на территорию Германии.

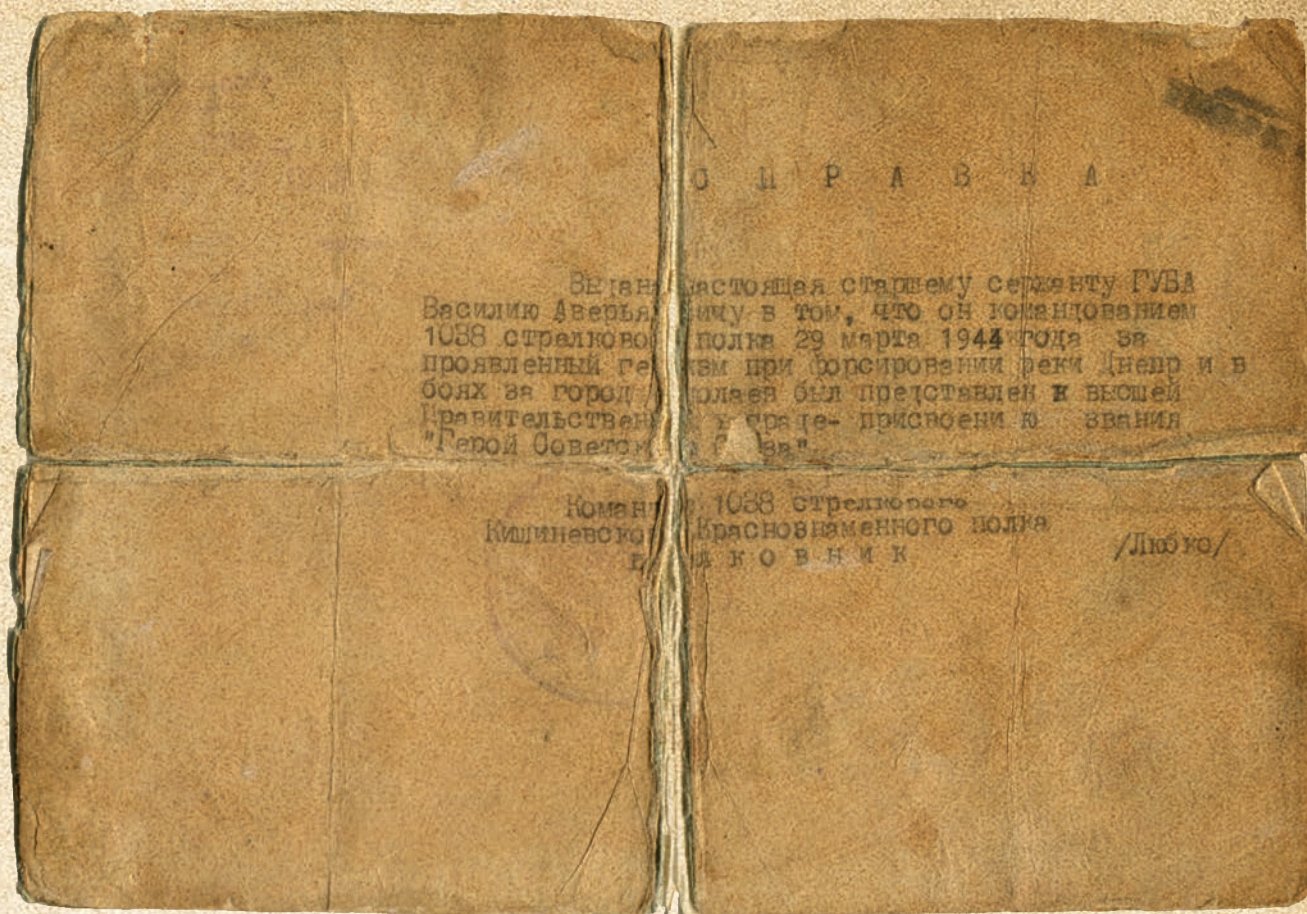
Воспоминания полковника в отставке И. Свиридова, бывшего начальника штаба 295-й стрелковой дивизии:

«Переход границы фашистского рейха явился долгожданным и незабываемым праздником для советских воинов. Лозунги «К Берлину!», «Освободим наших братьев и сестер, угнанных фашистами в неволю!» звали к подвигам. Приходилось делать по сорок-пятьдесят километров в сутки, не давая гитлеровцам передышки. Двенадцатого марта был ликвидирован последний очаг сопротивления фашистов на правом берегу реки Одер в районе города

и крепости Кюстриц, который немцы окрестили «ключом к Берлину». В течение двух недель на этом участке не стихал бой, потом было незначительное затишье и на рассвете 10 апреля, когда стрелки часов остановились на цифре пять, воздух и земля вздрогнули от залпов многих тысяч орудий, взрывов

сотен бомб. Так началась завершающая Берлинская операция». Битва за Берлин, в которой в том числе принимал участие и дед в рядах своего полка, длилась с 16 апреля по 1 мая 1945 года. Сначала на дальних и ближних подступах, а затем и на улицах города ни на минуту не умолкала канонада.

День 1 Мая советские войска встретили в условиях продолжавшихся ожесточенных уличных боев. В этот день к своим солдатам обратился командарм 5-й ударной армии Н. Э. Берзарин:

«Дорогие боевые друзья! Большой наш праздник – 1 Мая – мы встречаем на берлинских улицах, площадях и в тоннелях метро. Пусть еще в городе гремят орудийные выстрелы, трещат пулеметные и автоматные очереди, пусть дым пожарниц стелется по Берлину, но все это не может омрачить торжества праздника международной пролетарской солидарности. Радостно сознавать, что наш почти четырехлетний тяжкий ратный труд венчается великой Победой».

И как бы в унисон его словам на следующий день весь мир с затаенным дыханием слушал сообщение советского Информбюро:

«Войска 1-го Белорусского фронта при содействии войск 1-го Украинского фронта после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня, 2 мая, овладели столицей Германии городом Берлином».

Второго мая в пятнадцать часов Берлинский гарнизон, оборонявший город, прекратил сопротивление, сложил оружие и сдался в плен.

Позже в своей книге «Воспоминания и размышления» маршал Советского Союза Г. К. Жуков написал, что, учитывая наиболее успешное продвижение 5-й ударной армии, 24 апреля командование назначило командарма 5-й ударной армии Н. Э. Берзарина первым советским комендантом и начальником советского гарнизона Берлина. До 1946 года дедушка также оставался в Берлине и служил в комендатуре.

Выжить в той войне было самым страстным желанием многих – для Василия Губы оно сбылось, но впереди ждали еще много испытаний, которые требовали проявления твердого характера, нестигаемой воли, готовности бороться. Первым, уже мирным, послевоенным испытанием, повлиявшим на дальнейшую судьбу семьи Губа, стала демобилизация Василия Аверьяновича. Формирование и ожидание погрузки в эшелоны для дальнейшей отправки на Родину проходило в эвакуационном пункте, бывшем концлагере. Сопровождавшее солдат подразделение НКВД тогда в настоятельном обращении предложило всем сдать трофейную технику. У деда трофейным был мотоцикл BMW. Расставаться с ним он не хотел. Известно: голь на выдумки хитра. Разобрав трофей, он вывез его в трех

мешках. Мотоцикл, повторно собранный уже в родном поселке, и спас семью от голодных послевоенных лет: на нем он ездил в отдаленные районы за содой, которую менял в своем поселке на хлеб. Василий Губа был бойцом до последних своих дней: он смог не только вернуться победителем с Великой Отечественной войны, но и обеспечил достойную жизнь своим детям, всем дав высшее образование и достойное воспитание.

За смелость и героизм, проявленные в борьбе с фашизмом, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года Василий Аверьянович Губа награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», медалями «За взятие Берлина» и «За освобождение Варшавы», двумя медалями «за Отвагу», орденом Отечественной войны II степени. За проявленный героизм при форсировании реки Днепр и в боях за город Николаев 29 марта 1944 года командованием 1038-го стрелкового полка Василий Губа был представлен к высшей государственной награде – присвоению звания «Герой Советского Союза».

Из воспоминаний внука
Героя Советского Союза
Сергея МАТУЗОВА

ОКСАНА

Ю. А. Фомичев

Мы вспоминаем к непогоде,
Что были ранены когда-то.
И как бы вижу вновь на взводе
Оксану, фельдшера санбата.

Мы шли на острие удара,
Мне помнится тот день и час:
В сопровождение санитаров
Ты появилась среди нас.

Глаза — две темно-синих сливы,
Как аметисты, льют свой свет...
И фельдшером таким хранимы
Теперь мы скажем смерти — нет!

Совсем девчонка по годам,
Ты нам была сестра и дочь.
Всегда желала счастья нам,
Когда мы шли в разведку, в ночь.

Закрыв глаза, я вижу тех ребят —
Разведку нашего полка.
В глухой час ночи тенью шли назад,
Ведя с собою языка.

А по утрам, в минуту тишины,
В часы, когда обильны росы,
Казалось нам, настал конец войны,
Задумавшись, ты расплетала косы.

Как нимб сиял каскад волос.
Рассветный луч их чуть касался,
Диск солнца рвался вверх и рос,
И лес, как в сказке, просыпался.

В сорок четвертом летом у Днепра,
Когда война живое все кромсала,
Во время перевязки комполка
Тебя, Оксана — доктор наш, не стало!

Все стихло вдруг. Гром пушек смолк,
И в ярости, чтоб как-нибудь забыться,
В атаку вновь пошел морской наш полк,
И десять километров гнал он фрица.

Сомкнув ряды. Молчание храня.
Взяв автомат из русской стали.
Мы шли мстить, доктор, за Тебя,
И фрицы к Минску побежали.

Всех павших на войне чтим свято имена,
А юная их жизнь оборвалась так рано,
Ты нашим ангелом-хранителем была.
Не сберегли Тебя, прости, прощай, Оксана!

Кто хоть однажды видел это...

Двадцатый век был во многом великим. В наследие от него нам достались как плоды созидания, так и разрушения. Учиться у истории урокам прошлого – наша главная задача, и помогают нам в этом свидетели, участники исторических событий. Одним из очевидцев самого трагичного события XX века – Великой Отечественной войны – является гвардии капитан второго ранга Иван Николаевич Бобарыкин. Ветеран дважды Краснознаменного Балтийского флота, морской пехотинец, участник обороны Москвы, сегодня он делится своими воспоминаниями с вами, уважаемые читатели.

– Знакомство с воинской службой началось у меня в 1940 году, когда после окончания десяти классов меня призвали на Балтийский флот в Ленинград, – рассказывает уроженец города Рославля Смоленской губернии Иван Николаевич. – Зачислили в учебный отряд подводного плавания, но вскоре в Ленинград прибыл представитель из Москвы, который отбирал команду по приказу наркома Военно-Морского Флота. Так я попал в батальон охраны народного комиссариата Военно-Морского Флота и был переведен в Москву. Служба шла своим чередом, и все мы несли ее, даже не догадываясь, что ждет впереди. В этом неведении встретили и очередной летний день службы – 22 июня 1941 года. Помню обычное построение на обед, и вдруг поступает информация – будет важное правительственное сообщение. Тут ребята начали подталкивать друг друга, и пошел слух: «Война, война...» Всех завели в столовую, столы были уже накрыты, как обычно, нас ждали дежурившие по столовой матросы в белых халатах.

«ГРАЖДАНЕ И ГРАЖДАНКИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА! – взорвало динамики историческое обращение народного комиссара иностранных дел СССР Вячеслава Михайловича Молотова. – Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее

заявление: сегодня в четыре часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убиты и ранены более двухсот человек...»

«После этого уже никто не мог ни есть, ни даже думать о еде, – продолжает Иван Николаевич Бобарыкин. – Началась жуткая суматоха, голова пошла кругом: «Война». Все стали писать заявления с просьбой направить на флот. Ни у кого даже сомнения не возникло, что эта война закончится через два-три месяца и враг будет разбит. Однако за эти несколько месяцев мы многое поняли и вылечились от наивности и мальчишества. Армия несла страшные потери, а фашисты были уже на подступах к Москве».

Девятнадцатого октября 1941 года в столице было объявлено чрезвычайное положение. По предложению наркома ВМФ адмирала Кузнецова решением Государственного комитета обороны (ГКО) от 18 октября 1941 года началось формирование двадцати пяти морских стрелковых бригад, семь из которых принимали участие в битве под Москвой. В октябре 1941 года был срочно сформирован особый отдельный морской отряд, в формировании которого принимал участие

парком ВМФ, адмирал СССР Н. Г. Кузнецов. Он же вручил отряду боевое знамя с вышитыми золотом словами: «Первый московский отдельный отряд моряков». Сейчас это знамя хранится в Центральном музее Вооруженных сил России.

«Часто нас бросали на участки, где был прорыв в обороне. Морские стрелковые бригады занимали оборону наиболее ответственных участков – на ленинградском, волоколамском и можайском направлениях, была объявлена 35-минутная готовность для вступления в бой. Спали в полном обмундировании, снимали только пояс с гранатой, который убрали под подушку, а во дворе казарм в это время стояли автобусы с прогретыми двигателями. Первого декабря 1941 года немецкие войска прорвали нашу оборону в районе Нарофоминска. Со второго на третье декабря, по приказу Георгия Константиновича Жукова, отряд бросили в район деревень Ванино, Давыдко, Постниково... Отряд занял оборону на опушке леса. Первыми, кто встретил врага, были артиллеристы противотанкового истребительного дивизиона, расположенного на наиболее опасных участках обороны. Они подбили первый танк, второй, третий, и лишь на четвертом колонну удалось остановить. Огонь был перенесен в глубину колонны. Немцы были остановлены.

Наш отряд остался ждать пехоту, так как фашисты могли вернуться. А пятого декабря командующий западным фронтом Георгий Жуков начал контрнаступление. Позже мы были возвращены в Москву на место дислокации в Хамовнические казармы.

Когда угроза захвата Москвы миновала, отряд переформировали в 154-ю бригаду и пятью эшелонами отправили под Ленинград в село Сухая Нива. Бригада вошла в состав третьей ударной армии. Далее она была переброшена в район Старые Русы, оттуда на Таманский полуостров, позже в Сталинград, где вела бои до полного разгрома фашистов. Война закончилась для нас освобождением Прибалтики на Калининском фронте.

– Она оставила не только горькие воспоминания. Несмотря ни на что жизнь продолжалась и в эти нелегкие годы. Особо ярко вспоминается один из моментов. Бригада перебрасывалась с одного фронта на другой, и на одной из дорог нам встретила телега со свежим табаком, который везли на дальнейшую переработку. Бойцы бросились пополнять свои запасы, набирая табак во все, что было под рукой. Кто в тапки, кто за пазуху. А я не курил и стоял в стороне, наблюдая за общим оживлением, когда ко мне подошла местная жительница с большой корзиной спелой черешни и щедро стала угощать сочными ягодами. Цвет и вкус черешни я помню до сих пор, так же, как помню и то отношение людей к солдатам в городах и селах. В каждом из нас они видели своих детей, отцов, братьев, воевавших в это время на фронтах Родины.

Сам я всю войну – оборону Москвы, Ленинграда и Сталинграда – прошел в Первом стрелковом батальоне 154 – 15 Гвардейской отдельной морской стрелковой бригады. В боях получил тяжелое ранение, потом еще три, был контужен».

Служба в рядах Дважды Краснознаменного Балтийского флота была продолжена и тогда, когда Великая Отечественная война была победоносно завершена. Уже в мирное время Иван Николаевич честно и преданно служил Отчизне. В свои девяносто два года он часто приезжает на встречи со школьниками, проводит вечера в музеях, постоянный гость всех мероприятий, приуроченных к празднованию Победы в Великой Отечественной войне. Был награжден орденом Великой Отечественной войны первой степени, двумя орденами «Красная Звезда», медалями за боевые заслуги: «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда» и «За оборону Сталинграда». Всего свыше тридцати наград у морского пехотинца Бобарыкина.

Беседу вела Полина РЕВТОВА

Победитель Пауэрса

Несколько минут топчусь на лестничной клетке, не решаясь позвонить в эту дверь. Робею? Не без этого, хотя еще и забавляет мысль: как завидовало бы мне целое поколение американских разведчиков и все руководство ЦРУ! В этой туапсинской квартире живет человек, чей портрет уже полвека выставлен в музее Центрального разведывательного управления США. Пятнадцать лет назад хозяин квартиры одним ракетным пуском отменил целое направление в американской разведке, нацеленной на Россию. И прежде всего ему легендарный разведчик Рудольф Абель, осужденный американским судом на тридцать лет заключения, обязан своим освобождением. Но все по порядку. Десять лет герою: вспомнить и рассказать есть о чем.

СУДЬБА КАЛИБРОМ 85 МИЛЛИМЕТРОВ

Свою первую войну младший командир Михаил Воронов – два треугольника в петлице, сапоги вместо солдатских обмоток, не шутка, – позорно проспал. Это была самая короткая в истории советской России война, предъявленная миру как «освобождение Бессарабии». Темные воды Днестра. Угрожающе молчал бессарабский берег, и был мелок окоп, в котором Миша дожидался сигнальной ракеты. После бешеного марш-броска к

границе недавний выпускник полковой школы Воронов молодецки проспал в окопе до утра. Разбудило его громовое ура – это по фронту объявили, что румынские войска отступили без боя, а значит, и войне конец.

Михаил Романович и сейчас удыбается, вспоминая ту войну. Может, он повеял тогда, что все войны такие, подавая документы в зенитно-артиллерийское училище? Вольно же вам над этим сейчас шутить, полковник Воронов! Однако три года «на передке» Великой Отечественной с перерывом на госпиталь дают ветерану право на свои представления о забавном в его судьбе. Три года в условиях боя, без переформирований – таким может похвастать очень редкий фронтовик. Впрочем, каюсь, фронтовики таким не хвалятся. Они за это уважают.

– Ты думаешь, просто так месяц в действующей армии засчитывался за три? – спрашивает Михаил Романович. – На фронте юнцы выросли за считанные дни, а жизнь заканчивали уже к двадцати годам. Немец, он в первый же месяц всю авиацию на аэродромах разбомбил. Пока у нас новые самолеты не появились, небо у фашистов мы, зенитчики, отвоевывали. Но и они мстили нам крепко.

Другая война оказалась долгой и жестокой. Командир зенитной батареи Воронов дрался на Волге – прикрывал нефтеналивные суда, шедшие на Сталинград.

ПОТОМ БЫЛ КУРСК

– Не только мы, но и немец чувствовал – готовится что-то небывалое. Сутками, не таясь, на Курск шли военные эшелоны. Поэтому немцам было так важно разбомбить Курский железнодорожный узел. Бывало, над вокзалом карусель до пяти сотен самолетов одновременно ходило. А мы этот вокзал прикрывали с земли. После налета краска на стволах зениток пузырилась. А мы ногами гильзы распиваем, за гармошкой сбегает – и танцы с батарейными девушками до упаду.

И тут начинается лирическая сторона войны командира батареи 85-миллиметровых орудий Михаила Воронова. Я бывал в этом доме, когда он жил тихим счастьем двух людей. И про танцы посреди войны рассказывала мне женщина, теперь, через пятьдесят пять лет супружеской жизни, именуемая просто Тихоновна.

В том мире среди скопища окопных, годами не видавших женщин мужиков, жили тихие девочки, вчерашние десятиклассницы. Они были прибористами, третьими номерами орудийных расчетов. Когда самолет сваливается в атакующую пике и с воем несется на тебя, мгновенно вырастая в прицеле, от внимательности и хладнокровия этих девчат зависела точность выстрела. Впрочем, от них зависело еще многое. Но лирический минимум на батарее ограничивался танцами.

– Мы с девочками, конечно же, многое замечали. Например, во время боя мужчины ужасно... ну, в общем, неприлично ругаются. Так вот, на батареях, где мы

служили, наши мальчики воевали молча. Или вот, у некоторых девочек от стрельбы кровь из ушей шла. Я тогда впервые видела, как солдаты плачут. От ярости.

У Валентины Тихоновны до конца жизни не гасли ее невероятные глаза. Глядя в них, как-то сразу понимаешь, что такие стеснительные девочки только присутствием в том безумном мире спасали солдатские души. Командир батареи признался своему бойцу в любви только 2 мая 1945 года. Фронтовики знают, что именно в этот день стало известно о капитуляции.

ГОРЯЧИЙ ДЕНЬ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Бывает так: жизнь еще длится, а биография уже кончилась. В тот главный для своей биографии день Воронову было уже за сорок лет, и он думал, что его боевое служение Родине закончилось. Осталась только повседневная

служба. Но, как известно, солдаты не бывают бывшими, тем более из «поколения победителей». А 1 мая 1961 года со взлетной полосы пешаварского аэродрома в Пакистане стартовал разведывательный самолет ЦРУ США, ведомый капитаном ВВС Френсисом Пауэрсом.

В США был создан самолет-разведчик нового поколения. У него были фантастические тактико-технические данные: потолок высоты в двадцать четыре тысячи метров, который делал его одинаково недоступным для советских истребителей и для радаров. Его оснастили уникальной линзовой аппаратурой, позволяющей вести аэрофотосъемку от границ стратосферы. Уникальность этих преимуществ положили в основу целого направления программы авиаразведки. Для Пауэрса это был двадцать шестой разведывательный вылет – почти рутина.

– Мы только сменились с боевого дежурства, – рассказывает Воронов. – Май – он и в Свердловске май: ясно, солнечно. И вдруг объявляют тревогу. Я, признаться, был уверен, что учебная. В начале апреля американский самолет-разведчик над среднеазиатскими республиками пролетел и ушел невредимым. Ну, думаю, теперь ребята и усердствуют.

Пауэрса вели от самой границы, передавая из одной зоны противовоздушной обороны в другую. Его У-2 шел на высоте двадцать тысяч метров, недосягаемой для наших истребителей. Правда, на свердловском аэродроме отставившись истребитель Су-9 – новейшая разработка военных авиастроителей. Его перегоняли из Новосибирска на малых высотах, и потому ни авиационного вооружения у самолета, ни высотного костюма у летчика не было. Но было ясно – американца отпускать безнаказанно нельзя. И

Су-9 подняли в воздух. Безоружного, на двадцать километров без кислородной маски, с категорическим приказом – таранить агрессора!

– Постойте, постойте, Михаил Романович, но ведь на таких скоростях это верная смерть!

– Это тушенку рубать в армии можно без приказа. В общем, я их засек, когда эти два самолета еще под Челябинском были. Вскоре они приблизились. Докладываю на КП, оттуда: «Пуск!» Я тоже: «Пуск!» Офицер наведения вопросительно так на меня посмотрел: действительно пуск? Я сдублировал команду – и все. По боевому расписанию через шесть секунд я должен вторую ракету отстреливать, но на три секунды замешкался. «Пуск!» – отказ старта. Третьей ракете – «Пуск!», снова отказ!

Вот где забытая с войны выдержка помогла. Слежу по экрану – две точки сходятся: ну, родимая, выручай. Беззвучно сопились, и сразу на экране помехи. Раньше у нас боевых стрельб не было, только наведение отработывали. А в теории при попадании должна быть вспышка. Докладываю комполка: «Цель применила радиопомехи». Я же в машине сижу, не вижу, что с неба самолетные обломки сыплются, и Пауэрс парашют раскрыл. Наконец солдатик прибежал, рассказал. Я на КП доложил, а мне: «Это он, сволочь, контейнер с мусором сбросил, имитирует! Продолжить поиск цели!» Ищу. Снова ищу. Пропал самолет!

А в это время авиационное начальство, ни с кем не согласовав, поднимает два МиГ-19, чтобы наверняка найти

цель. Те тоже ничего не находят. Вдруг из соседнего зенитного дивизиона на КП докладывают: «Веду цель!» Это они те МиГи засекли. Комполка доложил о нахождении цели командующему армии. Тот незамедлительно принял решение: «Своих самолетов в воздухе нет. Поразить цель!»

– Как так?!

– А вот так! Не знаешь разве, как это у нас случается? Авиация и войска ПВО – это два разных ведомства были. Их командующие находились в одном здании, а скоординировать свои действия не успели или не захотели – соперники! В общем, первой же ракетой МиГ и достали.

Вот так все и было. Потом в военных академиях всего мира будут изучать траекторию той ракеты Воронова. Это было уникальное поражение, по ювелирной точности сравнимое разве только с попаданием из ружья в глаз белки. Попадание ракеты в самолет уничтожало машину и летчика. В противном случае Пауэрс был обязан уничтожить секретное оборудование, а при угрозе пленения – проглотить яд. Эта система уничтожения улик была продублирована тайным механизмом подрыва самолета и летчика, который срабатывал при нажатии кнопки катапультирования. Но ракета Воронова аннулировала обе системы. Она взорвалась в непосредственной близости от самолета-шпиона, разрушила его хвостовое оперение, повредила элероны. Потерявший управление самолет сорвался в штопор, Пауэрса выброси-

ло из кабины воздушной струей, и он благополучно спустился на землю. Яд остался нетронутым.

– На следующий день вы, Михаил Романович, проснулись знаменитым?

– На следующий день я проснулся больным. В результате происков Пентагона я простудился. Пауэрса я так и не увидел. На суд меня не пригласили. За сбитый самолет наградили орденом Красного знамени. Вскоре из подвальной комнатенки я переехал в двухкомнатную квартиру. Может, это и не за самолет вовсе. Памятно другое – через два года на Пауэрса удалось обменять нашего разведчика Рудольфа Абеля. А в ЦРУ закрыли программу авиаразведок территории СССР.

Для старого зенитчика чистое небо – как для верующего икона, на всю жизнь. Каждое второе воскресенье апреля, когда весь наличный состав сил ПВО России, кроме тех, кто на боевом дежурстве, надевает парадные мундиры, чета Вороновых приезжала на улицу Полетаева. Здесь, на господствующей над городом высоте, стоит памятник защитникам туапсинского неба – 85-миллиметровая зенитная пушка.

– А что, Тихоновна, – спрашивал полковник Воронов супругу, – мы и сейчас боевой расчет собрать можем: мы с тобой, Торосяны, что с улицы Новицкого, – они тоже зенитчики. Мы ведь ничего не забыли...

В этом году в день войск ПВО к зенитке полковник в отставке Михаил Романович Воронов приходил один.

Александр РЕКЕДА

Ю. А. Фомичев

Чтоб войн не стало на земле,
Готов отдать я жизнь и кровь.
Мечтаю о таком я дне,
Пишу в стихах про жизнь...любовь.

Я сердце людям отдаю.
Свет лампы...Полночь...Тишина...
И строки, строки я кую,
Кричит во мне война...война...

В моих стихах и боль, и стон...
Как я любил... Мужал в боях...
Руси моей набатный звон,
И память...память...о друзьях.

ЕРШОВ ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился 17 ноября 1924 года в деревне Бочкари Сокольского района Горьковской области.

На войну был призван в октябре 1942 года в возрасте восемнадцати лет на Ленинградский фронт (береговая оборона Балтфлота). Наводчик береговой артиллерии берегового орудия.

В 1944 году после снятия блокады на Белорусском фронте был переведен в должность радиста-корректировщика артиллерийского дивизиона.

В 1945 году на Одере в результате тяжелых боев был ранен (осколочное ранение в ногу) и госпитализирован. Впоследствии комиссован.

С фронта вернулся в родную деревню. На данный момент проживает в деревне Заболотное Сокольского района Нижегородской области.

ФОКИН АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ

Родился в 1898 году в городе Мезень Архангельской области. Вторая Ударная армия, красноармеец.

В августе 1941 года был призван Холмогорским РВК Архангельской области на фронт.

Героически сражался в боях за освобождение Ленинграда. По извещению и данным ЦАМО (Центрального архива Министерства обороны), пропал без вести в апреле 1942 года (по другим данным – умер от ран в госпитале в Чудском районе Ленинградской области в июне 1942-го).

ФАДЕЕВ ВАСИЛИЙ ЕФИМОВИЧ

Родился 22 апреля 1924 года в деревне Ново-Покровская Нижегородской области в простой крестьянской семье, где был старшим из троих детей. Отец умер рано, поэтому Василий

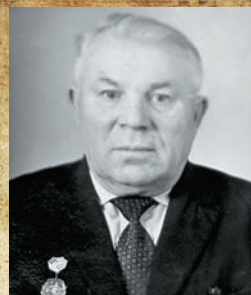
Ефимович проучился только четыре класса и пошел работать в колхоз.

Когда началась война, Василий Ефимович хотел пойти воевать, но в армию его не взяли. В феврале 1942 года его отправили на фронт. Воевать пришлось на Гатчине, под Ленинградом. В это время Ленинград был в блокадном кольце.

По рассказам Василия Ефимовича, воевать было очень тяжело. Шел первый год войны, немцы еще были очень сильны. Советские войска много отступали и оборонялись. Местность на Гатчине болотистая, было очень сыро и холодно.

Почти два года он провоевал в этих местах, пока не была прорвана блокада. После освобождения Ленинграда их часть с боями дошла до Старой Руссы. Здесь Василий Ефимович получил назначение для дальнейшего прохождения службы на границе.

Служить пришлось в Туркмении на границе с Афганистаном. Еще шла война, у шпионов было много попыток перейти границу. Там Василий Ефимович занимался дрессировкой служебных собак. Множество раз ему приходилось участвовать в задержании шпионов. За продолженную работу его награждали медалями за отличную службу. Вест об окончании войны Василий Ефимович встретил там же, после чего еще четыре года продолжал служить на границе. Получил множество наград.

БЫЧКОВ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в 1915 году в селе Смирново Нижегородской области. В возрасте двадцати четырех лет ушел на Финскую войну, вернулся без ранений. В 1940 году женился и стал отцом двух детей, а уже через полгода его мобилизовали на Белорусский фронт для участия в Великой Отечественной войне. Оставив жену и детей, Иван Васильевич прибыл в артиллерийские войска. В 1943 году был серьезно ранен огнестрельным ранением в бедро и взят в плен фашистами. Иван Васильевич около трех-четырех суток ехал в эшелонном поезде, пока не прибыл в тыл врага. Находясь в плену полгода, он подвергался различным пыткам. Ему удалось бежать. Вернувшись в свои войска, пытался «искупить вину» и вернуться в строй, в чем ему было отказано. Только после того, как Ивана Васильевича понизили из майора в рядовые, он продолжил службу. После окончания войны был демобилизован обратно в Нижегородскую область и на протяжении пяти лет вызывался в «органы» для выяснения обстоятельств взятия его в плен. Сотрудники НКВД проводили допросы с Иваном Васильевичем, о чем он очень не любил вспоминать. Был награжден медалью «За боевые заслуги». Умер в 1998 году у себя в деревне.

КНЯЗЕВ ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился в 1921 году в селе Троицкое Княгининского района Нижегородской области.

В возрасте восемнадцати лет он из родных мест ушел служить в армию в ряды Военно-Морского Флота. С 1939-го по 1947 год служил на Тихоокеанском флоте командиром зенитных батарей (охранял морские границы). Участвовал в боевых действиях в русско-японской войне в 1945 году. Весть о победе встретил на Тихоокеанском флоте на своем корабле. Умер в возрасте восьмидесяти пяти лет, похоронен на Новосормовском кладбище с воинскими почестями.

БЕЗУКЛАДНИКОВ НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Родился на Украине.

Война застала его, когда он проходил срочную службу в рядах Красной армии под Смоленском. Вместе с частями армии попал в окружение. Истощенные и обмороженные, в декабре 1941 года уцелевшие солдаты вышли в расположение частей советской армии и были отправлены на строительство заводов на Урал, так как были признаны негодными к строевой службе (признаны неблагонадежными из-за пребывания в плену).

В Каменске на стройке Красногорской ТЭЦ Николай Безукладников познакомился со своей будущей женой. Она была призвана на строительство из деревни, расположенной недалеко от Каменска. Всю войну они проработали на стройках Уральского алюминиевого завода и Красногорской ТЭЦ.

Полуголодные, они на лютном морозе по двенадцать часов в сутки работали на нужды фронта. И мы победили!

СЕЛЕЗНЕВА ИРИНА ПАВЛОВНА

21 июня 1941 года у Ирины Павловны должен был состояться выпускной вечер в школе, но его отменили, так как началась война. И в первые же дни войны Ирина Селезнева добровольцем ушла на фронт.

Участвовала в обороне города Горького в составе отряда зенитчиц – сбивала из зенитных орудий вражеские самолеты. После ранения (осколком пробито правую руку) она не могла управлять орудием. Ирина Павловна была демобилизована и отправлена на работу в лагерь военнопленных. По специальности фельдшер, она лечила раненых, оказывала всевозможную медицинскую помощь.

СИНИЦЫН МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился 17 ноября 1913 года в с. Дупки Ивановской области.

До 22 июня 1941 года служил в городе Виннице в должности командира эскадрильи бомбардировщика дальнего действия под командованием вице-адмирала Ф. С. Октябрьского.

Двадцать третьего июня 1941 года данный полк был снят на боевой вылет для осуществления бомбардировки пригородов Берлина.

Прошел всю войну с 1941-го по 1945 год. Дважды был сбит противником, оказывался в тылу врага, но возвращался на свой фронт.

Известие о победе получил в момент подготовки для осуществления боевого вылета.

По окончании войны было присвоено звание генерала.

Погиб 14 октября 1952 года при вылете на вручение звания генерала в Москву.

Имеет многочисленные награды: два ордена Красного знамени, три ордена Красной Звезды, ордена Великой Отечественной войны I и II степени и многие другие.

Боевая слава Тихоокеанского флота

Эта статья своим появлением обязана письму, которое пришло в ответ на письмо председателя совета Владивостокской городской общественной организации ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов от заместителя командующего Кольской флотилией по работе с личным составом капитана 1-го ранга Михаила Юрченко.

«Дорогие ветераны!... Моряки Краснознаменной Кольской флотилии разнородных сил свято чтут подвиги героев Великой Отечественной войны. И сегодня в состав нашего объединения входит единственное в ВМФ дважды орденоносное соединение подводников – Краснознаменная ордена Ушакова I степени бригада подводных лодок. В годы минувшей войны подводники с честью и достоинством сражались с врагом. Двенадцать подводных лодок награждены орденом Красного знамени, восемь стали гвардейскими. Четыре подлодки удостоены и гвардейского звания, и высшего военного ордена: Д-3 «Красногвардеец», Щ-402, М-172 и С-56.

Среди самых героических кораблей – ПЛ С-56, которой командовал ставший в 1944 году Героем Советского Союза капитан 2-го ранга Григорий Иванович Щедрин. Это единственная субмарина из вышеуказанного списка, встретившая Победу над германским фашизмом! Остальные навечно остались в глубинах Северного Ледовитого океана. Моряки Кольской флотилии гордятся своими великими предшественниками и бережно хранят память об их подвигах, собирая материалы в комнате Боевой славы соединения.

У нас по-прежнему в состав бригады и флотилии входит Краснознаменная К-21, установленная в Североморске на вечную стоянку, она является филиалом Военно-морского музея Северного флота.

Мы знаем, что и жители Владивостока, в первую очередь – ветераны, также трепетно относятся к С-56, установленной на Корабельной набережной города в качестве Музея боевой славы Краснознаменного Тихоокеанского флота и хранящей память о подвигах моряков-подводников.

Высылаем вам шкатулку с землей, взятой возле пирса Екатерининской гавани, от которого С-56 уходила в боевые походы и где гремели победные салюты ее орудий. Направляем также отдельные фотоматериалы, хранящиеся в комнате Боевой славы, рассказ со слайдами о нашем городе и несколько песен, написанных и исполняемых моряками флотилии...»

Накануне 25-летия организации наш корреспондент на Тихоокеанском флоте встретился с председателем совета полковником в отставке Яковом Каном.

Яков Григорьевич – человек, который пользуется непрекращающимся авторитетом в ветеранской среде. Будучи курсантом Ленинградского военного училища связи, он в числе других был по приказу наркома обороны СССР выпущен досрочно и в должности командира взвода в 1939 году участвовал в советско-финляндской войне. До сих пор в памяти фронтовика ясно держится, как в суровых зимних условиях их спецгруппа прокладывала связь, как по ним били из автоматов Суоми замаскированные в лесу финские стрелки, так называемые «кукушки». Позже, с началом Великой Отечественной войны, 31-я отдельная рота Якова Кана обеспечивала связь нашим отступающим войскам в Прибалтике. За вывод подразделения из окружения ему в первый месяц войны вручили медаль «За боевые заслуги». Потом молодой офицер участвовал в боях за Ленинград, а закончил войну у границ Восточной Пруссии начальником штаба 8-го отдельного гвардейского Митавского ордена Красной звезды батальона связи ...

– **Яков Григорьевич, с чем связано ваше письмо командованию Кольской флотилии?**

– Суть в том, что приморцы, моряки-тихоокеанцы в годы той тяжелейшей войны, будучи готовы защищать восточные рубежи от агрессора, мужественно воевали на западных фронтах. В частности, отличилась наша подводная лодка С-56. Она с 5 октября 1942 года по 8 марта 1943-го совершила переход из Владивостока в Полярный и пополнила состав подводных сил Северного флота. В дальнейшем в ходе боевых походов экипаж под командованием Григория Ивановича Шедрина точными торпедными атаками потопил немецкие танкер, тральщик, сторожевой корабль и транспорт, вывел из строя судно обеспечения. За успешную боевую деятельность подводная лодка 31 марта 1944 года награждена орденом Красного знамени, а 23 февраля 1945-го удостоена звания «гвардейская». После войны ее служба продолжилась на Севере, и только в 1953 году С-56 возвратилась Северным морским путем на Тихоокеанский флот. В день 30-летия Победы легендарный корабль был установлен в качестве мемориала и филиала музея ТОФ на берегу залива Золотой Рог. И, конечно, все, что связано с ее боевой службой, для нас очень дорого. Вот она, эта шкатулка с землей с места базирования подлодки в Полярном. Ее в день окончания Второй мировой войны на Тихом океане мы замуруем в Стену памяти, которая воздвигнута на мемориальном комплексе «Боевая слава Тихоокеанского флота».

– **Знаю, там уже покоится земля с других мест, где воевали наши земляки...**

– Да, в последнее десятилетие мы проводим своего рода акцию единения разных регионов нашей большой страны, где в годы Великой Отечественной отважно сражались и погибали приморцы. Незримо соединить подвиг наших воинов, показать органичную связь народа и армии при защите Родины – к этому стремимся в ходе поездок по местам боевой славы, которая, как эстафета, передается из поколения в поколение.

Наша делегация к 60-летию Победы побывала в Москве и Подмоскowie; там – в районе Дубосеково, Солнечногорска – останавливали немецких захватчиков четыре морские бригады, сформированные во Владивостоке. Оттуда, с мест захоронения героев, мы привезли горсть землицы, политой кровью.

В прошлом году, отмечая трагическую дату 70-летия начала войны, съездили в Брест. Там на западе началось все, а у нас завершилось. Потому отвезли для их музея капсулы с тихоокеанской водой и землей с Ворошиловской батареи, а обратно доставили священную землю из Брестской крепости, защитники которой первыми приняли удар немецко-фашистской армии 22 июня 1941 года. На 9 мая собираем делегацию в город-герой Севастополь, чтобы выполнить аналогичную миссию. В ее состав войдут бывший командующий Тихоокеанским флотом адмирал в отставке Виктор Дмитриевич Федоров, председатель Морского собрания города вице-адмирал в отставке Борис Федорович Приходько, заместитель главы администрации Владивостока Елена Борисовна Шеголева, священник и кто-то из наших ветеранов. Нас в этом деле поддерживает мэр Игорь Сергеевич Пушкарёв, мобилизуя необходимые средства для поездок. Добавлю, что уже традиционными стали морские военно-исторические походы памяти, совместно организованные командованием и советом ветеранов ТОФ. Один из них прошел в августе-сентябре 2010 года и был посвящен 65-летию окончания Второй мировой войны. Возможно, ближайшей осенью ветераны вновь отправятся на боевом корабле к берегам Сахалина и Курил.

– **Яков Григорьевич, в Стене памяти бронзой выбиты имена около 16 тысяч владивостокцев. А сколько же ветеранов осталось в живых, кто из них и сегодня в строю?**

– С фронтов домой возвратились 28 тысяч, многие из них поставили точку в той войне, участвуя в разгроме милитаристской Японии. Ну а нынче в строю всего чуть больше полутора тысяч ветеранов. Вот и сегодня один из них ушел от нас; его родственница консультировалась со мной по телефону по поводу выделяемых государством средств на погребение заслуженного человека.

В свое время, когда участники войны стали уходить по старости или от болезней, связанных с ранениями, мы создали Книгу памяти, а следом – мемориальную стену. Особенно активно этой работой занимался бывший флотский журналист, фронтовик, капитан 1-го ранга в отставке Виктор Аронович Стоник. Командующий в те годы Тихоокеанским флотом адмирал Николай Николаевич Амелко выделил для отливки бронзовых плит несколько вагонов стреляных артиллерийских гильз, местные архитекторы выполнили проект памятника, который сделали рабочие Дальзавода. С тех пор мы проводим на Корабельной набережной все основные торжественно-памятные мероприятия.

– **Почему ваш совет существует четверть века, разве прежде не было здесь ветеранского движения?**

– Было, конечно. Вспомним: в 1956 году в Москве состоялась Всесоюзная конференция ветеранов Гражданской и Великой Отечественной войн, которая и провозгласила создание новой общественной организации в стране. Кстати, символом объединения фронтовиков стал памятник советскому

воину-освободителю в берлинском Трептовпарке. Основной деятельностью ветеранского движения стала борьба за мир, предотвращение возникновения предпосылок очередной мировой войны. Можно сказать, то был вселенский порыв людей, нахлебавшихся кровавым противостоянием государств в ходе минавшего лихолетья.

Несколько позже остро встал вопрос нравственного воспитания советского человека, особенно молодежи. Кроме того, Советы ветеранов на местах взяли на себя и тяжелейшие функции социальной защиты многих фронтовиков и тружеников тыла, оставшихся без крова, без объектов своего труда, а значит, и без средств к нормальному существованию. Так к 1987 году назрела необходимость создания организаций, состоящих не только из участников войны, но и ветеранов труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов.

Так что за прошедшие с тех пор двадцать пять лет наша организация совместно с органами власти сыграла существенную роль в обследовании жизненных условий ветеранов, формировании списков остро нуждающихся в насущном. При этом активизировалась поисковая работа с привлечением школьников, создавались музеи и памятники. А когда в одночасье разрушилась великая страна, когда население разом обнищало и были попорчены моральные устои общества, перед нами встала задача спасения людей от голода всеми дозволенными путями. В той большой работе мы объединили усилия с органами социальной защиты города и края и помогли выжить очень многим. Было организовано надомное обслуживание, ветеранские магазины, часть которых действует по сей день.

Если оглянуться назад, видно, как много сделано добрых дел! Мы постоянно участвуем в процессе патриотиче-

ского воспитания молодого поколения. Работаем в школах города, на призывных пунктах, держим тесную связь с детскими клубами по интересам. В поле зрения – и военные корабли флота, береговые воинские части, военизированные игры «Зарница» и «Орленок». Большая работа проведена среди населения перед присвоением Владивостоку звания «Город воинской славы» (это событие совершилось в 2010 году по инициативе командования флота и ветеранских организаций).

Я благодарен Иосифу Степановичу Чутову, Ивану Федоровичу Панасюку, Любови Петровне Афанасьевой, Льву Александровичу Абрамову, Василию Федоровичу Неверову, Владимиру Филипповичу Пащенко и многим другим своим соратникам за их бескорыстный труд и верность ветеранскому движению.

– И завершающий вопрос, Яков Григорьевич. Какие проблемы беспокоят вас сегодня?

– Пожалуй, самый больной вопрос – обеспечение моих товарищей, многие из которых в связи с недомоганиями привязаны к дому, льготными лекарствами. Почему? Все упирается в явно недостаточное финансирование этой программы федеральными властями, из-за чего люди вынуждены месяцами ждать положенных им медицинских препаратов. Кто-то тратит на это значительную часть своей пенсии, экономя на еде. Но лекарства подчас очень дороги, и для многих приобретать их за свои деньги просто неподъемно. Это пока беда.

Проблема обеспечения ветеранов благоустроенным жильем остается на повестке. Но в последние годы произошли заметные подвижки, поскольку этому уделяют самое пристальное внимание и губернатор края, и глава администрации города. Считаю, правильно сделало правительство, что сняло ограничения постановки на очередь. Если раньше выделяли квартиры только тем, кто встал на очередь до 2005 года, то теперь – всем нуждающимся, кто действительно живет в плохих условиях. Вот и в прошлом году несколько таких семей справили новоселье.

Константин ЛОБКОВ
Фото автора

На снимках: Яков Кан; владивостокские ветераны; участники морского похода памяти берут землю с мест боев на острове Шумшу Курильской гряды.

ДОРОГИЕ МОИ ПАЦАНЫ

Ю. А. Фомичев

В рассветной тиши звуки звонки.
Стон набатный поплыл над страной.
Вмиг повзрослели мы и девчонки,
Вместе с отцами встали мы в строй.

Юные, дерзкие...Гордо и смело
Окунулись вы в пламя войны.
Смерть напугать вас еще не успела,
Дорогие мои пацаны.

Помним шквал мы свинцовой метели,
Реки крови народной войны.
Нас в военную форму одели,
Дорогие мои пацаны.

С винтовкой в руках перед строем
Присягали на верность стране.

И каждый мечтал стать героем,
Закаляя характер в войне.

В отрядах, бригадах, полках
Мы с врагами встречались не раз.
Тогда нам не ведом был страх,
Даже в книгах писали про нас.

Нам суровая юность досталась,
Помним всех поименно, кто пал...
Летят годы, нас мало осталось,
Наша дружба тверда, как металл.

Взрослые, дерзкие, гордо и смело
Вы с Победой вернулись с войны.
Вас и девчат смерть скосить не сумела,
Дорогие мои пацаны.

У войны – не женское лицо

Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.
Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,
Потому что ближе, чем Россия, не могла сыскать.

«Что может быть противоестественнее, чем сочетание слов «война» и «женщина». На самой страшной войне XX века женщине пришлось стать солдатом. Она не только спасала и перевязывала раненых, но и стреляла из «снайперки», бомбила, подрывала мосты, ходила в разведку, брала «языка». «Она убивала врага, обрушившегося с невиданной жестокостью на ее землю, на ее дом, на ее детей. Только по мобилизации комсомола в армию были направлены около пятисот тысяч девушек, большая часть которых находилась в действующей армии. Всего за годы войны в различных родах войск служили восемьсот тысяч женщин. За боевые подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной войны, сто пятьдесят тысяч женщин награждены боевыми орденами и медалями, восемьдесят шесть стали Героями Советского Союза, четыре – полными кавалерами ордена Славы.»

ОБ ОДНОЙ ИЗ НИХ НАШ РАССКАЗ...

Нина Александровна Колпецкая-Федосеева родилась 14 марта 1921 года в селе Пречисто-Каменка Каменского района Западной (Калининской) области в семье сельских учителей. Семья была большая, кроме Нины, было еще четыре дочки. Росли дружно и весело. Старшие дети помогали родителям по хозяйству и присматривали за младшими. Родителям часто приходилось переезжать из одного села в другое, так как открывались новые школы и требовались квалифицированные специалисты, чтобы организовать процесс борьбы с неграмотностью на селе. Поэтому детям тоже приходилось менять учебные заведения, но училась Нина хорошо. После окончания семи классов в 1937 году поступила в Вышнее-Волчковскую сельскую фельдшерско-акушерскую школу, которую окончила в 1940 году. Молодого специалиста-медика назначили на должность фельдшера в Примухинскую сельскую больницу (в этом селе она завершала обучение в семилетке). И неизвестно, как дальше сложилась бы судьба Нины Александровны, если бы война не внесла свои коррективы...

Двадцать второго июня 1941 года первый заместитель Председателя Совета Народных комиссаров В. М. Молотов объявил о вероломном нападении Германии на нашу Родину и призвал всех встать на ее защиту. Уже на следующий день 23 июня двадцатидвухлетняя девчонка прибыла в районный военный комиссариат для призыва. По распределению Нину направили в 1144-й военный госпиталь военфельдшером. До 13 октября 1941 года она находилась там и постоянно заваливала командование рапортами об отправке на фронт. И вот во время самых ожесточенных боев за столицу ее вместе с другими медиками отправили сначала в Москву, а потом – в Свердловск, где началось формирование 61-й отдельной морской бригады. В ноябре 1941 года она уже в п. Кирс Кировской области, фельдшер саперной роты бригады. На передовой оказалась 2 января 1942 года. Сначала – 9-й разъезд Кировской железной дороги Карельского фронта, а затем – «Мосельское» направление того же фронта, где до сентября 1942 года и воевала в составе своей роты. Нина Александровна до сих пор отлично помнит всех своих боевых товарищей и фронтовых подруг – таких же молоденьких девчонок, как и сама, которые на своих хрупких плечах под огнем неприятеля вынесли не один десяток

наших бойцов и офицеров. Это – Нина Морозова (артдивизион), Нина Чижова (батальон связи), Мэри Надыменко (1-й батальон) и др.

Воевать в морской пехоте нелегко мужчинам, но в сто раз тяжелее женщинам. Фронтовые будни сапера имеют свою специфику. Саперы всегда впереди. Их задачи – минирование подходов к своей передовой (часто под огнем противника), проделывание минных проходов в чужом минном поле для разведки или перед наступлением наших войск... Это и наведение мостов и переправ, строительство землянок, блиндажей и много, много чего еще... И везде фельдшер должен находиться среди бойцов. Его помощь может потребоваться в любую минуту! Сколько на памяти у Нины Александровны военных эпизодов, когда смерть дышала ей в лицо!.. Ее всегда спасало чудо... Один раз командир роты попросил ее провести двух проверяющих офицеров выпестованного штаба рядом с нашим минным полем на стыке участка обороны соседней роты. Была ранняя весна, снег кое-где подтаял. Двигались в сумерках. И вот на очередной кочке Нина почувствовала, что задела носком сапога что-то очень напоминающее противопехотную мину. Благо, что наступила на самый край, и взрыватель не сработал! Она успела вовремя среагировать и подала команду свернуть с опасного места. Тогда первый раз в своей жизни она ощу-

тила дыхание смерти. Следующий эпизод произошел 8 марта 1942 года. Командир бригады решил организовать поздравление всех женщин соединения в штабе. Собрались практически все. Пришла на мероприятие и Нина, а когда вечером вернулась в родную роту, то узнала, что погибли пять человек (отделение) при перевозке на санках мин. А по инструкции она должна была их сопровождать... И опять смертушка обошла ее стороной.

И таких эпизодов за войну не перечсть. Понятие тыла на войне очень условное. Налеты артиллерии или бомбежки авиации могут достать смертоносным осколком в любом месте, а пальная пуля или мина вообще не предсказуемы! Бомбежки были явлением обычным. К ним быстро привыкли. Но не могли привыкнуть к боевым потерям. Так, во время одной из них прямое попадание авиабомбы в лазаретную землянку унесло жизнь медсестры Шуры Михайловой. Ей оторвало руку. Еще несколько человек получили ранения разной степени тяжести. Один раз с передовой вернулась с «языком» группа разведки. Бойцы, уставшие и довольные, стояли и курили возле штабной землянки. Рядом с ними находилась Нина. Тут ее вызвали к командиру роты, не успела она отойти шагов на двадцать, как просвистел снаряд и прямым попаданием накрыл всю группу героев...

Неоднократно медсестры под обстрелом выносили раненых. А сколько литров крови было ими сдано и тем самым спасено жизни? Кровь требовалась постоянно. А она не бесконечна... Один раз потребовалось срочное переливание тяжелораненому. А Нина всего несколько дней назад уже сдавала кровь. Переливание, как правило, делали прямое. Легла молодая девчонка для сдачи крови, рядом боец умирает. На операционном столе. А крови нет! Заплакала. А что делать. Вместо нее свою кровь в тот раз сдала Вера Толмачева. И боец был спасен. Уже в девяностые годы на встрече ветеранов он нашел свою спасительницу. Сколько было радости и сказано слов благодарности! Я

уже не говорю про ласку и заботу, которые они дарили раненым. «Сестричка, погладь ножку!» – просит боец. А ножки-то нет. И как ему об этом сказать? И вся эта боль пропусклась через себя, через свое сердце.

В сентябре 1942 года всех фельдшеров и медсестер бригады свели в медроту, в составе которой Нина Александровна воевала до самого конца войны. В марте 1943 года ей присвоили воинское звание «младший лейтенант», в 1944 году – «лейтенант» (и уже на очередной юбилей Победы в 90-е ее повысили до «старшего лейтенанта»). В сентябре 1943 года была проведена реорганизация и 61 омсбр, часть 67-й и 85-й морских стрелковых бригад сфор-

мировали 83-ю стрелковую дивизию, которую в сентябре 1944 года перебросили на Кольский полуостров на Киркенесское направление. День Победы 9 мая лейтенант Колпецкая Н. А. встретила недалеко от норвежского города Киркенес. К тому времени на ее гимнастерке красовались орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги» и «За освобождение Заполярья».

Первого сентября 1945 года в п. Никель Нина Александровна расписалась с майором Федосеевым Борисом Николаевичем. Он в то время был заместителем начальника штаба 83-й дивизии. А познакомились они, когда майор Федосеев, командир лыжного батальона, попал в штрафбат, где они и встретились. Муж Нины Александровны воевал героически. Ордена Александра Невского и Красного знамени – тому подтверждение. В апреле 1946 года Федосеевы были уволены в запас. Убыли в Карелию. Но в 1951 году Борис Николаевич был снова призван на военную службу. Города Балтийск, Североморск, Северодвинск – гарнизоны, в которых семья Федосеевых до 1961 года служила Отечеству. Нина Александровна работала медиком и одновременно инструктором по работе с семьями. Была председателем женсовета части. И опять она, как и на фронте, дарила бойцам и офицерам заботу и внимание. Всегда была готова прийти на помощь. За это время она родила и воспитала двух дочерей. Муж умер в 1994 году. Похоронен в Санкт-Петербурге.

Очень интересно слушать ее воспоминания и наблюдать, как по-молодецки загораются ее глаза, когда она делится своими воспоминаниями.

Сегодня в живых осталось мало ее фронтовых друзей. В Москве проживает Вахтанг Дмитриевич Чиквадзе, в г. Калинин – Валентина Сергеевна Дмитриева. Им далеко за девяносто лет. Часто болеют. Но не стареют душой ветераны морской пехоты и всегда остаются в строю! Сегодняшнему поколению есть на кого равняться! Им было труднее, чем нам. Но они выстояли!

Вечная ПАМЯТЬ погибшим! Вечная СЛАВА живым!

Михаил САВВИН

На снимках: фото из архива Колпецкой Н.А.;
День ВМФ 2011 год
(ст. прапорщик запаса Лямзин Ю.И.,
ст. лейтенант в отставке Федосеев (Колпецкая) Н.А., подполковник запаса Саввин М.А.).

Ю. А. Фомичев

Мне снова улыбается природа,
Тебя увидел, радостно дышу.
Пускай зима...бушует непогода!
Я это строки Ниночке пишу.

Тебе, мой друг! И никому другому.
Растаяла тумана пелена.
Хочу придать огонь и силу слову...
Лишь ты, Нинон, моя весна!

Словами, взглядом согреваешь
И гейзером бушует кровь.
От мрачных дум вмиг исцеляешь,
Когда ж увижу друга вновь?

Но встреча будет, верю, знаю.
Приду ли я, иль ты ко мне...
Вопрос открытым оставляю
И предаюсь своей судьбе.

**ВЕТЛУГИН
АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ**
(1924 год рождения)

**ВЕТЛУГИН
ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ**
(1920 год рождения)

Жили под Брянском, когда началась война, им было семнадцать и двадцать лет. Прошли всю войну с первого года до последнего дня. Павел воевал на передовой в действующей армии, а Алексей был партизаном брянских лесов.

ОЛЕЙНИК МАРИЯ ДМИТРИЕВНА

Родилась в селе Куты (Львовской области). В первые же дни войны их село попало в оккупацию, но она не стала каким-то страшным событием в ее жизни. Немцы были заняты активным наступлением и не терзали население. А в 1943 году, когда ее село освободили советские войска, всех жителей как «поделньников» фашистов репрессировали. И Марию в возрасте семнадцати лет отправили в Норильск на каторжные работы. Там была тяжелая работа и ужасные условия жизни. Она рассказывала, что они собирали на мусорках очистки от картошки, чтобы сварить суп, варили кожаные ремни. Там она провела десять лет своей жизни, встретила свою вторую половинку. И после каторги вышла за него замуж и уехала в Белгородскую область, где и жила всю оставшуюся жизнь.

**КОСАРЕВ
ВАСИЛИЙ**

Жил в селе Ковернино Горьковской области. Ушел на фронт в 1941 году в возрасте двадцати восьми лет. Он служил в пехоте, был стрелком. Прошел битву на Курской Дуге. В 1943 году был ранен в ногу и почти сутки пролежал раненый, притворяясь мертвым, пока немцы ходили по лесу и уносили своих раненых. После вылечился и снова отправился на фронт. Дошел до Белгорода, там был контужен и ранен в руку, его госпитализировали, и на фронт он уже не вернулся. Победу он встретил дома.

**ТУПИЦЫН
МАТВЕЙ
МИХАЙЛОВИЧ**

В 41-м году в возрасте тридцати лет его забрали на войну, дома остались жена и четверо детей. Его отправили на передовую, и, насколько известно, он воевал в Белоруссии в войсках генерала Власова. Когда они попали в плен, им предлагали перейти на сторону немцев. Многие из отряда переходили, а всех, кто отказывался переходить, отправляли в лагерь. Он попал в лагерь и провел в нем больше трех лет, где и узнал о победе. За это время домой пришло уже несколько «похоронок», и его считали погибшим. После освобождения из плена он провел еще около полугода в Германии и в Новосибирск вернулся уже в 1946 году, когда его уже три года считали погибшим.

**КАЛУТА
КОНСТАНТИН
ФЕДОРОВИЧ**

Жил в г. Новозыбков (Брянская область). Немцы захватили город в первые месяцы войны. Пока город был в оккупации, он распространял пропартизанские листовки, за что его вместе с другом отправили в концлагерь. Он провел в концлагерях Германии и Польши больше трех лет. Бежал из лагеря три раза и лишь в последний раз успешно. Про один из побегов он рассказывал, что тогда его на машине с другими заключенными везли в печи сжигать, и заключенные, которые ехали вместе с ними, просто пожалели его с другом – двух совсем молодых тощих мальчишек – и выбросили их из машины, чтобы они могли сбежать. Несколько дней они прятались в лесу, но податься некуда. «Наши» – далеко, кругом поляки, которые двум русским мальчишкам не помогут, и немцы. И в итоге, чтобы не умереть с голоду, они вернулись обратно в лагерь. Заключенные несколько месяцев прятали их с другом под полом и вечерами кормили, чтобы охрана не заметила появления «новых заключенных». Помню, еще он рассказывал, что у них постоянно брали кровь. Он был молодой, и его терзали особенно часто.

В феврале 1944 года во время наступления Советских войск в их концлагерь попал снаряд, и все, кто мог, бежали. Про этот побег он рассказывал, что ночью, когда они с другом засыпали где-то в поле, ему казалось, что все – он не выдержит и умрет. И ему приснилась его мама, которая сказала, чтобы он терпел, ведь он проживет еще много лет, у него будет семья, дети, и умрет он в семьдесят два года (так и случилось).

На утро они встретили советские войска и прибились к ним. Узников лагерей ждали допросы и лагеря Советского Союза, но солдаты пожалели совсем молодого, еле живого парня и взяли в свой отряд. После того как он немного окреп, он воевал вместе с ними и получил медаль «За взятие Берлина», тогда ему было семнадцать лет. Чтобы по возвращении домой его не отправили в лагерь, он служил в Германии еще пять лет и лишь потом вернулся в Советский Союз.

КОРНЕЕВ МИХАИЛ ГАВРИЛОВИЧ

Ушел на фронт в 1941 году из села Богородск Ульского района Амурской области. В 1941 году пришло известие, что он пропал без вести. После кто-то из его сослуживцев рассказывал, что видел, как во время боя он был ранен в живот. Основываясь на этом рассказе, его и считали погибшим.

БЕЛКИНА ПЕЛАГЕЯ МИХАЙЛОВНА

Жена Корнеева Михаила Гавриловича.

Все годы войны работала на почте. И была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.»

ЛУЧИНКИН МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

Когда началась война, ему было чуть больше двадцати лет, его сразу же забрали на фронт. В 43-м году он попал в кавалерию и воевал на передовой. А в 44-м году пришло письмо, что он без вести пропал.

МОШКИН АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ

Кадровый офицер Сибирского военного округа. В первые же месяцы был отправлен под Москву. Был командиром взвода разведки. Участвовал в Курской дуге, где был тяжело ранен. Оставшиеся месяцы войны провел в госпитале.

ОСТАПЕНКО МАРИЯ МАКСИМОВНА

Всю войну ездила проводницей с эшелонами за линию фронта. Туда везли оружие и солдат, обратно – раненых. Была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.»

ЕЛГИН ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ

Летом 1941 года его забрали на фронт, около полутора от него получали письма-«треугольнички», а потом он пропал без вести. О том, как он погиб, семье неизвестно, но в его родной деревне Корпилово ему воздвиглиobelisk, как герою войны, и в Новосибирске его имя есть на монументе Славы.

ПАХОМОВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ

Он жил в Тогучине в Новосибирской области, владел своей фермой, на которой выращивал племенных коней. Его считали «кулаком», но не раскулачивали, потому что всех своих самых лучших коней он поставлял «верхам» Советской армии. Когда началась война, ему было почти пятьдесят лет, и на фронт его не забрали. Но все годы войны он продолжал выращивать своих коней и поставлял их на передовую. Он сам возил их вначале на товарных поездах, а потом гнал к местам, где шли боевые действия.

МАРТЫНОВА ЕЛИЗАВЕТА ТИХОНОВНА

Родилась в деревне Купино Новосибирской области. В феврале 1941 года в возрасте двенадцати лет пошла работать на железную дорогу путевым рабочим. Всю войну они обеспечивали бесперебойный доступ боеприпасов на фронт. Работала по восемнадцать часов в день.

Цена солдатской славы

Сразу после окончания Великой Отечественной войны в списке полных кавалеров ордена Славы числились двадцать шесть воинов-фронтовиков с фамилией Ивановы, из которых ныне здравствуют всего четверо. Один из них – бывший младший командир 365-й разведывательной роты 303-й Верхнеднепровской Краснознаменной стрелковой дивизии старшина Мстислав Борисович Иванов. За успешное выполнение десятков заданий командования за линией фронта, помимо орденов Славы всех трех степеней, он был также награжден тремя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени. Накануне празднования 67-летия Победы над гитлеровской Германией Мстислав Борисович рассказал нашему корреспонденту, какой ценой давалось войсковым разведчикам выполнение каждого такого задания.

– Мстислав Борисович, как вы оказались в разведывательной роте 303-й стрелковой дивизии?

– После окончания средней школы в г. Каттакургане (Самаркандская область в Узбекистане) в 1942 году вслед за отцом я был мобилизован и в звании сержанта учился на офицера в Ташкентском пулеметно-минометном училище. В начале 1943 года поступил приказ ВГК о переброске личного состава училища под Сталинград для пополнения войск, блокировавших немецкую группировку Паулюса. Но по прибытии нашего эшелона к месту назначения выяснилось, что Паулюс капитулировал, а наше курсантское подразделение переходит для усиления 252-й стрелковой дивизии. Это соединение потом участвовало в битве на Курской дуге в составе Степного фронта. Вот там я в качестве командира отделения разведчиков впервые пошел

за «языком», но при этом был тяжело ранен. В эвакогоспитале под Борисоглебском пробыл недолго. Нас, выздоравливающих бойцов, направили для пополнения 303-й СД (2-й Украинский фронт). И уже в день прибытия в часть в качестве помкомвзвода принял участие в ночном форсировании Днепра у города Верхнеднепровск. Уже после высадки на том берегу во время штурма позиции немцев был ранен вторично. После короткого пребывания в полевом госпитале меня «сосватали» в 365-ю разведывательную роту 303-й СД, в составе которой я принимал участие в Корсунь-Шевченковской, Яссо-Кишиневской операциях, в боях за Венгрию, в освобождении Братиславы и Праги.

– Вас готовили как пулеметчика, а вы стали разведчиком. Чем привлекала вас боевая работа в качестве «ушей и глаз» дивизии?

– Начну с того, что пополнение в роту разведки набирали по добровольному принципу. Но уже ближе к Победе этот принцип действовал плохо, так как у красноармейцев и сержантов из линейных подразделений уже срабатывала психология «выживания», и ходить через линию фронта за «языком» они, мягко говоря, не рвались. Командованию 303-й СД приходилось пополнять разведку штрафниками из числа наиболее отчаянных разжалованных офицеров.

Что касается меня лично, то, идя в разведчики, сразу для себя решил, что не сегодня, так завтра во время одного из рейдов в тыл врага мне заведомо суждено погибнуть. Такая предопределенность обуславливалась тем, что я являлся не просто солдатом на передовой, где «до смерти четыре шага», а еще и разведчиком, который уже по определению не имел права живым попасть в плен. Каждый из нас для немцев представлял особую ценность. Даже матери домой не слал писем, дабы понапрасну не обнадеживать ее. При таком психологическом раскладе мне легче было ходить на выполнение задач даже с заведомо неблагоприятным исходом. И при подготовке к работе за линией фронта в разведгруппу я отбирал только добровольцев. Если человек колебался (что случалось и с бывальными разведчиками), то брать его на задание не имело смысла, так как это было чревато провалом. Отбор по такому принципу никогда не давал осечек. И когда разведгруппа в полном составе без единой царапины возвращалась с трофеями в виде двух или трех «языков», да еще с ценными сведениями о противнике – вот это и был наивысший результат работы дивизионной разведки. Ради такого результата любой из нас был не против воевать в разведке до победного конца.

– За какие успешно выполненные боевые задачи вы были удостоены всех трех степеней ордена Славы?

– Ордена Славы III степени я был удостоен за спасение под огнем противника раненного товарища, с которым был в конной разведке при освобождении г. Кировограда в январе 1944 года.

В начале декабря того же года, когда мы стояли в обороне на реке Грон на территории Словакии, командир дивизии генерал-майор К. С. Федоровский лично поставил мне задачу захватить «языка». Быстрая река в середине своего течения не замерзала, что создавало трудности для переправы разведгруппы. Накануне

ночью переправили на немецкую сторону трос, а на другую ночь пересекли Грон на лодке, проползли по наледи, пробрались между позициями врага в деревню. Нам повезло: у немецкого штаба уничтожили двух автоматчиков и захватили офицера с портфелем. Офицер нам попался сговорчивый. Когда в немецком гарнизоне поднялся переполох – гитлеровцы производили поиск нашей группы, пленный фриц вел себя тихо. При наспех организованном прочесывании деревни противнику нас обнаружить не удалось. А мы укрылись в одном из дворов в стоге сена. И только после того, как стихла стрельба и прекратился минометный обстрел нейтральной полосы, полпластунски добрались до реки и переправили к своим захваченного офицера с документами, содержащими ценные сведения о противнике. За выполнение этой задачи я и был представлен командиром дивизии к награждению орденом Славы II степени.

...Но не уберегли мы нашего комдива, который пользовался большим уважением и любовью всего личного состава соединения. Константин Степанович погиб при выходе из окружения, в кото-

рое наша 303-я попала в конце декабря 1944 года по вине румын. Новый командир дивизии каких-то симпатий к дивизионным разведчикам не испытывал и требовал, чтобы мы подтвердили свой авторитет новыми боевыми делами.

Весной 1945-го во время боев в Венгрии 303-я дивизия в своей полосе наступления наткнулась на упорную оборону немцев в районе одной из господствующих высот. Несколько стрелковых подразделений пытались овладеть ею, но безуспешно. И тогда командир дивизии решил бросить в бой роту разведчиков боевой численностью всего сорок человек, причем днем. В том, что разведчики возьмут высоту и тем самым покажут пример линейным подразделениям, у командования сомнений не было.

...Приказ есть приказ. Стали мы с заместителем командира роты решать, как взять высоту, которую обороняло до зубов вооруженное пехотное подразделение немцев. И решили: используя защитные складки местности, в том числе и высокую траву, цепью на расстоянии друг от друга до десяти метров попластунски скрытно приблизиться на максимально близкое расстояние к

окопам противника. В момент обнаружения нас фрицами по сигналу ракеты все подразделение поднимается и, открыв сплошной автоматный огонь, коротким броском врывается в окопы. Иного варианта взятия высоты не просматривалось.

Расчет оказался верным. Замысел боя был отработан практически без каких-либо отклонений. Нам удалось вплотную подобраться к окопам противника, внимание которого отвлекали своим огнем назначенные комдивом огневые средства с флангов. Бросок разведки был настолько внезапным, что оборонявшиеся даже не смогли оказать нам серьезного сопротивления. Разведчики уничтожали врага огнем в упор, одним за другим захватывая огневые точки. В этом бою пал от пули снайпера заместитель командира взвода. Пришлось мне брать командование на себя. На этой высоте мы продержались до наступления темноты, отразив более десяти атак противника. Уже ночью на этой позиции нас сменило стрелковое подразделение, и нашей роте, в строю которой осталось двадцать человек, дали «добро» вернуться в расположение.

Впрочем, радоваться добытому в том бою успеху было рано. Утром стало известно, что противнику все-таки удалось выбить с той высоты нашу пехоту. И вот командование ставит перед разведчиками следующую задачу: взять высоту повторно и опять в дневное время. Правда, при этом комдив приказал начальнику артиллерии оказать нам всемерную поддержку. Исполнение приказа было возложено лично на меня, хотя я был всего лишь старшиной. Во взаимодействии с начальником артиллерии было решено использовать известную приверженность фрицев к шаблону. Например, немецкие командиры привыкли, что советская артиллерия проводит огневой налет или артподготовку ровно полчаса или час. А я попросил начальника артиллерии дивизии бить по высоте не шестьдесят минут, а пятьдесят пять. Пока немцы будут дожидаться формального окончания артиллерийского обстрела, мы за эти пять минут произведем повторную атаку.

И опять, что называется, попали в точку. По-пластунски под аккомпанемент своей артиллерии мы подобрались вплотную к высоте, дрожавшей от раз-

рывов снарядов, и по истечении пятидесяти пяти минут артобстрела буквально свалились на головы оглушенных фрицев. Высота была взята без потерь с нашей стороны. На ней мы продержались до ночи. А после передачи позиции стрелковому подразделению ворвались в расположенный за высотой населенный пункт и навели панику в рядах местного немецкого гарнизона. По итогам той операции командование дивизии представило к наградам многих дивизионных разведчиков, в том числе и меня – к ордену Славы I степени. Эта награда нашла меня в конце 1945 года, когда я после демобилизации проходил обучение на геологическом факультете Узбекского государственного университета...

– Какое качество для войскового разведчика вы считаете наиболее важным?

– Не шаблонный, творческий подход к выполнению поставленной командованием задачи.

– Кто же вас научил творческому подходу при выполнении поставленных задач за линией фронта?

– Моим первым учителем был... мой отец, бывший подпоручик царской армии. За свое офицерское прошлое он поплатился тремя годами сталинских лагерей. Позже, после того, как наша семья вынуждена была переехать из родной Костромы в Узбекистан, отец постоянно прививал мне творческий подход к решению тех или иных жизненных задач. Например, давал мне охотничье ружье и три патрона к нему с задачей принести с охоты двух рябчиков. Мне приходилось подкрадываться к дичи вплотную, чтобы выстрелить наверняка. И я приносил ему этих двух рябчиков. И во время войны я старался подойти к противнику незаметно вплотную...

– Как сложилась ваша жизнь после войны?

– После окончания университета посвятил себя разведке... геологической. В создании подробной геологической карты Киргизии есть и мой вклад. Всю жизнь занимался спортом, имею квалификацию тренера по акробатике. Хотя по жизни, я, скорее, биолог. Люблю работать на даче, а также возиться с животными. Вот и сейчас вместе со мной живут мои питомцы: две черепахи и парагвайский питон.

Шамиль ХАЙРУЛИН

**На снимках: полный кавалер ордена Славы
Мстислав Борисович Иванов;
сержант М. Иванов (фото 1944 года).**

ЦЕНА ПОБЕДЫ

Ю. А. Фомичев

Мы смерть несли врагу на острие штыков.
Святое право мести в сердцах своих храним.
За разрушения, за павших моряков,
За Белый Раст, за Икшу с лихвой воздали им.

Все дальше от Москвы фашистская орда.
Редел наш строй, печален был и взор.
За пепел русских сел, за кровь, за города
Не брали в плен. Лишь смертный приговор...

Взяты Солнечногорск, Волоколамск,
Вперед с боями шли в морозном декабре.
Вновь вспоминается день зимний тот
И этот бой на Лудиной Горе.

Застыли на снегу зеленых волн ряды.
В бессильной злобе задыхался враг,
Их трупы скрючились на склонах высоты,
Уже отбиты несколько атак.

Слабел отпор врагу, потери велики...
Был брошен против нас вновь батальон «СС»,
Но вскоре подошли братишки-моряки.
Мы их опять рубили, и никаких чудес.

И бой за высоту вновь выиграли мы.
Матросы с океана и Балтики седой,
Платили жизнями за честь родной страны,
Победу приближали мы дорогой ценой.

Пантелей Константинович Цаллагов, первый контр-адмирал осетин. Родился он в станице Новоосетиновская 9 июня 1918 года, после окончания средней школы во Владикавказе продолжил обучение на рабочем факультете Северо-Кавказского института цветных металлов. Затем были Одесский институт водного хозяйства и Бакинское военно-морское училище.

Суровые испытания

Великая Отечественная война стала суровым испытанием для молодого офицера. Войну Пантелей Цаллагов встретил на Балтийском флоте. Служил он помощником начальника штаба 74-й бригады морских пехотинцев, начальником штаба батальона морской пехоты на Краснознаменном Балтийском флоте. В начале войны сражался «под стенам» и Москвы, и Ленинграда. В 1942-м был дважды ранен, но, несмотря на это, вернулся в строй. В представлении к правительственной награде командир 74-й бригады морской пехоты полковник С. В. Лищенко, пишет: «Тактику общевойскового боя Пантелей Цаллагов освоил отлично, боевыми действиями морских пехотинцев управляет грамотно, лично храбр». 1942 год стал очередным тяжелым испытанием для нашей страны, несмотря на успехи в битве под Москвой, высшим руководством страны были допущены серьезные

просчеты в развитии контрнаступления на юге в районе Харькова. В результате в районе Харькова наши войска оказались в «котле», а стратегический перевес на юге позволил немцам развить наступление на Сталинград и Кавказ.

Перед началом наступления на Кавказ Гитлер на совещании в штабе группы армий «Юг», состоявшемся 1 июня 1942 года, заявил: «Моя основная мысль – занять область Кавказа, как можно основательнее разбив русские силы... Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен ликвидировать войну». Двадцать пятого июля 1942 года началась битва за Кавказ. У гитлеровцев она имела кодовое название «Эдельвейс». Враг сосредоточил большую группировку войск, которая имела 167 тысяч солдат и офицеров, 1130 танков, 4540 орудий и минометов, до 1000 самолетов. Противник нашего превосходил наши войска в личном составе, боевой технике и вооружении.

Один из основных ударов должен был приходиться на станицу Вознесенская, находившуюся на Сунженском хребте. В случае взятия этой высоты немецкое командование получало значительный стратегический перевес и дорогу к нефтяным приискам Грозного и Бакинской нефти.

На окраине хутора Гвардейский нашими разведчиками был взят в плен офицер из группы 370-й пехотной дивизии. Он показал, что десантная группа «Блиц» в составе двух усиленных пехотных полков при поддержке 30 танков на рассвете 7 сентября должна была переправиться на южный берег Терека и захватить Вознесенскую. Захват этой высоты должен был стать сигналом для ввода в наступление главных сил и резерва армейского корпуса.

Четвертого сентября 1942 года начались бои в районе высоты, которую моряки прозвали «Крейсер». Здесь насмерть

стоял батальон морской пехоты, которым командовал капитан-лейтенант Пантелеий Цаллагов. Немцами на этом участке было введено в бой сто танков третьей танковой дивизии и два дивизиона птурмовых орудий. Бой за высоту длился несколько часов. Первые же выстрелы пупек 47-го гвардейского истребительного дивизиона и стоявших в укрытии танков заставили противника повернуть назад, правда, ненадолго. Вскоре вражеская атака возобновилась. Несколько часов продолжался жестокий бой за высоту «Крейсер». Несмотря на ожесточенные атаки врага, мы смогли удержать эту важную позицию.

«Мы ведем борьбу за эти километры больше, чем за всю Францию. Противник стоит как гранитные скалы проклятых Кавказских гор...» – было записано в дневнике убитого немецкого офицера.

Отбив атаки фашистов на станицу Вознесенская, наше командование подготовило контрудар на главный опорный пункт немцев на южном берегу Терека.

Вечером 8 сентября передовые подразделения Цаллагова просочились в рощу западнее Предместного. Несколько танков и мотострелковый батальон 52-й танковой бригады вели бой на улицах юго-западной окраины села. Еще бы один решительный натиск – и главный опорный пункт фашистских войск на южном берегу Терека мог бы пасть».

Но, к сожалению, командиры приданных дивизионов своевременно не перенесли огонь в глубину и, продолжая стрельбу по первой траншее противника, преградили путь своим же цепям... Но, как говорится, нет худа без добра. Командир роты лейтенант Куркович обратился к Цаллагову с предложением выйти опушкой рощи на северную окраину селения и устроить засаду на дороге, ведущей к переправе в Моздок. А перед рассветом в район засады прибыл усиленный отряд офицера Казаева с двадцатью танками БТ и тремя батареями истребительного дивизиона. Полное окружение противника в опорном пункте Кизляр было завершено, а утром того же дня началось уничтожение противника в этом районе...

В ноябре 1942 года батальон Цаллагова был переброшен на юг и участвовал в обороне Орджоникидзе. Война для Цаллагова закончилась на Черноморском флоте в должности начальника штаба дивизии крейсеров.

Тяжелой вехой в жизни П. К. Цаллагова стала служба на архипелаге Новая Земля. Тонкий ценитель природы, влюбленный в южные просторы, Цаллагов волею судьбы на шестнадцать лет был направлен для выполнения сверхсекретной миссии в далекое Заполярье, на край света, на острова Новой Земли – с мая 1956 года по октябрь 1960-го, затем – с 1968 года по июль 1972-го.

Для кадрового офицера служба, как известно, не заканчивается вместе с войной. В послужном списке адмирала Новая Земля значится воинской частью под одним из кодовых номеров. «Железный» – называли его за глаза в военной среде. А сам Пантелей Константинович, вспоминая этот период службы, задумчиво произносит: «Новая Земля – это страшнее, чем война. Новая Земля – это подписки-обязательства два раза в год о неразглашении государственной тайны, это лучевая болезнь, это страшная, пугающая и неотвратимая потеря зрения, это ледяной полигон, испытания, испытания, испытания...»

Окончил службу в 1975 году в должности командира Потийской военноморской базы.

На пенсии долгое время был председателем Северо-Осетинского отделения ДОСААФ и совета ветеранов.

Награжден орденом Красного знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, тремя орденами Красной Звезды, орденом Трудового Красного знамени, орденом Дружбы, 22 медалями, в том числе «За боевые заслуги». Похоронен 23 октября 2009 года во Владикавказе на Аллее героев.

Сергей ГАГУНОВ
фото автора

МЫ БЕСКОЗЫРКИ БЕРЕЖНО ХРАНИМ

Ю. А. Фомичев

В тяжелый час родной страны
Пришли с Востока эшелоны.
Дверями лязгали вагоны:
Сентябрь...первый год войны.

Патронов пачку, пять гранат,
Ножи...и каски нам надели,
Но бескозырку и бушлат
Мы все снимать не захотели.

Пошли волною штормовой.
Полундра, фриц... Вперед, матросы!
Под Шлиссельбургом шли мы в бой,
За честь России, Альбатросы.

Вкусили радость мы побед
Сквозь свист снарядов...гарь...и дым
В честь тех тяжелых грозных лет
Мы бескозырки бережно храним.

АНТОНОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился 20 сентября 1916 года в Красноярском крае г. Боготол. В сентябре 1941 года был призван в Омское пехотное училище, которое досрочно окончил в апреле 1942 года со званием младшего лейтенанта и был направлен в распоряжение западного фронта Москвы. В мае получил назначение в 20-ю армию западного фронта Волоколамского района во вновь формирующийся батальон при 20-й армии командиром взвода в 52-й истребительский противотанковый ружейный отдельный батальон.

Прошел с боями Вяземскую область, Калининскую область, Смоленскую область, воевал в таких городах, как Ржев, Белград, Вязьма, Смоленск.

Из личного дела и боевой характеристики Александра Алексеевича, составленной 13 августа 1943 года: «...Рота, руководимая тов. Антоновым, в ноябрьских и мартовских боях показала высокий боевой дух в борьбе с немцами. В течении трех дней рота держала передний край обороны без стрелковых подразделений в районе реки Вазузы у деревни Печора, неоднократно отбивая яростные атаки врага...»

В июле 1943 года Александр Алексеевич был расформирован и назначен в 17-ю гвардейскую стрелковую дивизию в 106-й полк командиром стрелковой роты. В наступательном бою за город Витебск в декабре 1943 года был тяжело ранен и отправлен на лечение в госпиталь города Фергано Эвако.

После поправки в феврале 1944 году получил назначение в город Семипалатинск в 123-й запасной стрелковый полк командиром разведроты.

В декабре 1945 года Александр Алексеевич был демобилизован.

С 1946-го по 1951 год работал на старательской артели цветной металлургии сначала сменным мастером обоготильной фабрики, потом начальником, а затем уже и председателем старательской артели, где шла добыча вольфрама.

Последние годы своей жизни работал в охране на Уралмашзаводе Екатеринбурга. Умер в 1999 году, дожив до восьмидесяти трех лет.

ШЕСТАКОВ МАРК АНДРЕЕВИЧ

Шестаков Марк Андреевич (1905 года рождения) сразу был призван в ряды Красной армии, а его супруга Шестакова Анастасия Аркадьевна осталась одна с тремя маленькими детьми.

Пройдя месяц подготовки в Еланских лагерях, Марк Андреевич отправился на фронт под город Ржев защищать Родину в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Последним известием с фронта, которое получила Анастасия Аркадьевна, это известие о том, что ее муж Шестаков Марк Андреевич пропал без вести 01.02.1942 года. Несмотря на полученное известие, Анастасия Аркадьевна до последнего не хотела верить в смерть мужа и жила надеждой на скорую встречу.

Война закончилась победой. Домой вернулись единицы солдат, и жена пропавшего без вести Марка встретила с каждым, кто вернулся в деревню. С трудом Анастасия отыскала в соседней деревне солдата, чудом выжившего, который вернулся без обеих ног. Именно с этим солдатом Марк Андреевич Шестаков выполнял боевое задание, перевоза на лопатках секретный пакет. Он рассказал, что по пути следования начался обстрел, и в них попал снаряд. Марка убило сразу, а ему оторвало обе ноги.

Бои под Ржевом стали одним из самых кровавых эпизодов Великой Отечественной войны. Общие потери Красной армии, только по официальным данным, превысили миллион человек.

КУБАТИН НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ

Родился в 1932 г. в деревне Ворона Брянской области. Когда в июне 1941 года началась Великая Отечественная война, ему было девять лет. Его отец Семен ушел на фронт под город Ржев и в первый же год войны погиб на фронте.

В деревне осталась жена Марса с тремя детьми: самым младшим Николаем (девять лет), его братом (одиннадцать лет) и сестрой (двенадцать лет). В начале войны немцы стремительно оккупировали территорию Брянской области. Поэтому в деревне Ворона, опасаясь неминуемого расстрела, председателем колхоза было принято решение укрыться в брянских лесах. Ради спасения своих жизней восемь семей поспешно ушли в непроходимый болотистый лес, в котором также стратегически перемещались партизанские отряды. Так как это была суровая зимняя пора, мирные жители не стали брать запасы из погребов. Но тайне от родителей дети делали вылазки за продуктами в свои дома.

Однажды ранним утром выбегавших из дома ребят заметил фашист. Враг открыл огонь по мальчишкам автоматной очередью, попав в ногу девятилетнему Николаю Семеновичу. Каким-то чудом раненому Николаю и ребятам удалось сбежать.

Выжив в те страшные военные годы, Николай Семенович всегда отличался своим трудолюбием, усердием и был удостоен медалью ветерана труда и многочисленными наградами, прожив до 1993 года.

СИВКОВА НИНА ВАСИЛЬЕВНА

Войну Нина Васильевна встретила в очереди за хлебом. Вместе с мамой они стояли у киоска, а радио у Дворца культуры кричало о том, что немцы напали на нашу страну.

Через три месяца после окончания восьмого класса их всем классом направили из г. Серов в г. Нижний Тагил в ремесленное училище. Пятнадцатилетним девочкам выдали обмундирование: черные шинели, гимнастерки, юбки, береты, а обувь была своя. Но учебки никакой не было. Всех отправили работать на военный завод. Это был эвакуированный завод из Павлограда. Находились они в лесу, наверху были только крыши, а все остальное под землей. Нина Васильевна работала в цехе, где набивали снаряды и мины.

Норма выработки за смену была 150 снарядов или 200 мин. Работали без рукавиц, поэтому руки все были в металлических занозах и парывали. На работу ходили к восьми утра, работая по двенадцать часов. Полмесяца – в день, полмесяца – в ночь. Всю войну без выходных и отпусков.

В то время также были организованы бригады для работы на лесоповале, и молодежные девочки стали работать в лесу. На пару за смену надо было распиливать десять кубометров леса. Пилы были с двумя ручками. Надо было свалить дерево, обрубить сучья, распилить на чурки по 1,05 метра и уложить в штабеля. Ходили на работу по семь километров пешком, работая с утра и до вечера. Жили в бараках, где было очень сыро и не было возможности обсушиться, поэтому утром одежда стояла колом. Зимой работали по пояс в снегу, при сорокаградусных морозах. Но при это трудились ударно! Из воспоминаний Нины Васильевны: «...Как-то мы с напарницей перевыполнили план, разработав двенадцать кубометров леса. И нам вручили премию – белье и чулки. Это тогда дорого стоило. За ударный труд нам назначили еще и усиленное питание, но нам было неудобно перед другими девочками, и мы питались наравне со всеми...»

После войны Нина Васильевна снова переехала в г. Серов, вышла замуж. С мужем жили в г. Свердловске (ныне г. Екатеринбург), а потом в г. Красноуринске, где и живет по сей день, отметив свой семьдесят шестой день рождения.

КОШКИН АЛЕКСЕЙ СЕМЕНОВИЧ

Кошкин Алексей Семенович родился в 1920 году в Донецкой области, в городе Макеевка. В призывном возрасте по распределению был отправлен служить в армию в Свердловск (ныне Екатеринбург). Оттуда в 1941 году попал на фронт.

Во время войны был ранен и попал в плен к нацистам в одной из деревень. Тогда было принято решение о расстреле русских солдат. Всех выстроили в шеренгу возле вырытой ямы и расстреляли из пулемета. Алексею Семеновичу перебило ноги, и он как подкошенный упал в яму. Как выяснилось позже, он не погиб, а просто потерял сознание, его завалили телами убитых солдат. Вечером местные жители припили хоронить солдат и обнаружили Алексея еще живым. Его забрали и стали выхаживать.

В то время плю активное наступление Красной армии, и Алексея Семеновича перевезли в ближайший госпиталь. Спустя несколько месяцев он снова вернулся на фронт.

Окончание войны Алексей застал в Вене в звании старшины и был награжден орденом Великой Отечественной войны III степени.

После войны Кошкин Алексей Семенович вернулся в родные места, женился и родил трех детей (двух дочерей и сына). В течение жизни работал на металлургическом комбинате и был награжден орденом Трудового Красного знамени, выйдя на пенсию в звании почетный сталева. В последние годы растил пятерых внуков и двух внучек.

Кошкин Алексей Семенович скончался в 1993 году в возрасте семидесяти трех лет.

ДУДАРЬ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ

Дударь Михаил Петрович родился в 1916 году в селе Глинна Козовского района Тернопольской области.

На момент начала войны Михаилу Петровичу было двадцать пять лет. В 1941 году он был призван в Красную армию. На территории Западной Украины в то время формировалась Войско Польское.

В начале войны его отряд был окружен и взят в плен, так как солдаты были практически безоружны и не готовы к мощным атакам врага. Так Михаил попал на территорию Польши в концлагерь «Майданек». По воспоминаниям Михаила Петровича, их держали в котлованах под открытым небом, тогда две недели лили дожди. Один из немецких надзирателей посоветовал ему снять с трупа шинель, чтобы хоть как-то спастись от холода. Но Михаил не стал делать этого, заработав воспаленные легкие. Там он пробыл около одного года.

Того, кто выжил и был покрепче здоровьем, переслали в Германию в лагерь военнопленных «Освенцим», далее в лагерь «Матхаузен», где Михаил Петрович отбывал заключение до конца войны.

В 1945 году, несмотря на окончание войны, Михаилу и другим военнопленным не давали разрешения на выезд, и он еще два года проработал у немецкого фермера (брауера).

В 1947 году, после получения разрешения на выезд, по дороге домой в сорока километрах от родного села его чуть не зарезали националисты в лесах Тернопольской области. Чудом ему удалось выжить и сбежать. В итоге домой он попал в 1947 году, в возрасте тридцати одного года, полностью седой и тяжело больной. Михаил Петрович прожил еще двадцать семь лет и умер в 1973 году в возрасте пятидесяти семи лет от нервного и психологического истощения, из-за бессонных ночей, мучавших его в послевоенные годы.

ТЕБНЕВА СЕРАФИМА ГРИГОРЬЕВНА

Тебнева Серафима Григорьевна, 1912 год рождения. На момент начала войны Серафима работала преподавателем, у нее были муж и семеро детей. Война встретила семью Серафимы в блокадном Ленинграде. Как обычно, возвращаясь домой с рабочей смены, увидев свой дом в разрушенном состоянии, в одночасье Серафима стала сестрой, поскольку знала, что дома остались дети. Только чудом все семеро остались живы, а помог им выбраться старший брат, который через окно второго этажа, где они жили, скидывал одного за другим детей.

Муж Серафимы принял решение уйти добровольцем на фронт. Несмотря на все ужасы блокадного Ленинграда, оставшись одна, Серафима Григорьевна смогла уберечь себя и своих детей. Волею судьбы ей удалось договориться с матросами, которые пытались прорваться через блокаду, чтобы они взяли всю ее семью с собой.

Матросы пожалели Серафиму и смогли их эвакуировать, подарив им при этом мешок черного хлеба, чтобы хватило всем детям. Уже в поезде по дороге на Урал весь хлеб Серафима раздала голодным, орущим детям, которые ехали с ними в одном вагоне, поскольку не могла допустить того, чтобы ее дети были сыты, а другие пухли с голода.

Так по стечению обстоятельств Серафима Григорьевна со своей семьей оказалась на Урале. В то время шла эпидемия тифа, и в деревне, где они поселились, от этой страшной болезни практически полностью вымерла одна из семей. Из пятнадцати человек в живых остались бабушка и ее маленькая внучка. Тогда Серафима Григорьевна решила спасти несчастных, не побоявшись войти к ним в дом и помочь всем, чем может. Все соседи уговаривали ее не делать этого, поскольку был большой риск заразиться самой и заразить своих детей, но Серафима была решительно настроена выхаживать заболевших и не думала о плохом. Спустя время бабушка с внучкой поехали на поправку и выздоровели. Потом еще много лет девочка всякий раз благодарила Серафиму, что та их не бросила.

После войны с фронта вернулся муж. Серафима Григорьевна продолжила работать преподавателем в школе, а в 1959 году у них родился еще один ребенок.

Прожив Серафима Григорьевна семьдесят семь лет, скончалась в 1989 году.

УШАКОВ ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ

Ушаков Василий Федорович родился 1 января 1919 года.

В феврале 1941 года был призван на военную службу и распределен в танковые войска.

Двадцать второго февраля 1942 года была сформирована 202-я танковая бригада в Приволжском военном округе, которая прошла боевое крещение осенью 1942 года на Брянском фронте. Василий Федорович участвовал в боях командиром среднего танка.

В январе 1943 года принимал участие в Воронежско-Касторненской операции и обороне Севастополя. По рассказам Василия Федоровича, в боях за Севастополь была острая нехватка вооружения, поэтому на один танк приходилось по два, а иногда и по три экипажа, которые вели военные действия на фронте по очереди.

До середины войны танковая бригада Ушакова воевала на английских танках «Матильда» и только в 1943 году была укомплектована отечественным оружием, легендарными танками Т-34.

Двадцать седьмого ноября 1943 года во время боев Василий Федорович был ранен осколком в левую ногу и госпитализирован. В результате ранения ногу пришлось ампутировать, вследствие чего он был списан с военной службы в августе 1944 года.

За время войны Ушаков Василий Федорович был награжден медалью «За оборону Севастополя», орденом Красной Звезды, медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг».

ДАВАЙ, СТАРИНА!

Ю. А. Фомичев

Смертный возраст — бесстрашный.

Давай, старина!

Покажи-ка, где раки зимуют,
Где в начале столетия наша страна
По традиции Зимний штурмует.

Где хватает народное горло тоска
По свободе и «светлому завтра».
Где страна, как одна трудовая рука,
Размахнется и востока на запад.

Ну, давай, старина! Я не верю другим,
Кто моложе и голосом зычней,
Кто спросонок не с той марширует ноги,
Охромев на башмак заграничный.

Пулей ввинчены в грудь ордена, генерал,
И кольчужные взвинчены нервы.
«Ты же выжил, солдат, хоть сто раз умирал...»,
Что нам стоит осилить сто первый.

Ты же видишь, никто не сравнится с тобой.
В русском подвиге нет продолженья.
А за нами страна, проигравшая бой.
Но ведь бой, генерал, не сражение.

Это разве не повод тряхнуть стариной
И рвануть за кольцо окруженья?
Это разве не жизнь — умереть со страной,
Чтоб ее научить воскрешенью.

«Ты же выжил, солдат, хоть сто раз умирал...»,
Научи меня русскому чуду.
Я в героях еще никогда не бывал,
Но и праздновать труса не буду.

Я не звал бы тебя, ветеран, на войну,
Только сам воскресать не умею.
Только нынче нельзя умереть за страну,
Умереть можно только лишь с нею.

Вот я цел — невредим. А ее — наповал
Уложили бандитским ударом.
«Ты же выжил, солдат, хоть сто раз умирал...»,
Научи умереть с ней на пару.

Я ее понесу на пробитом хребте
И, на цыпочки встав в преисподней,
Протяну ее небу на той высоте,
Где свой воинский долг я исполню.

Ну, давай, мужики! Подсоби, говорю!
Вражьи тени на русской равнине.
Если мы чуть левее подвинем зарю,
То и тени зловещие сдвинем.

Позывные столицы

Битва под Москвой – самая масштабная во Второй мировой войне. Именно здесь, недалеко от столицы крупнейшего в мире государства, хваленая гитлеровская армия впервые потерпела серьезное поражение. Разгром фашистских войск под Москвой явился началом значительного поворота в ходе войны и истории. Окончательно был провален гитлеровский план «быстрой войны»; впервые был развеян миф о «непобедимости» гитлеровской армии. Изначально Гитлер предполагал взятие Москвы в течение

первых трех или четырех месяцев войны. Однако, несмотря на успехи вермахта в первые месяцы войны, усилившееся сопротивление советских войск помешало его выполнению.

По статистике, в годы войны в ряды Красной Армии было призвано более 980 000 женщин. Эти женщины участвовали в боевых действиях, они служили в войсках ПВО, водили бомбардировщики, были снайперами, саперами и медсестрами. Наш рассказ о юной связистке Марии Гушиной, с которой мы встретились накануне Дня Победы.

В апреле 1942 года по распределению Варнавинского райвоенкомата Горьковской области в числе остальных выпускниц средних школ г. Горького получила повестку и была призвана в ряды Красной Армии 19-летняя Мария Гушина.

Местом военной службы стал 45-й зенитно-прожекторный полк, приписанный к Московскому гарнизону. Готовили там связистов. Учеба прошла в рекордные сроки – за три месяца. Поражил тогда прибывших девчат вид столицы – вся она была в противотанковых заграждениях, настороженная, тревожная. Служили в прожекторном полку одни девчата. Всю мужскую работу выполняли сами.

– Да и похожи мы были на мужчин – в ватных брюках, ботинках не по размеру. Ноги все время скользили в них. Однажды приехал проверяющий, сделал замечание по поводу нашего внешнего вида. После его отъезда в скором времени был прислан в нашу роту материал защитного цвета, сапожки. Из него и пошили мы платья, радовались так, – вспоминает фронтовичка Клавдия Афанасьевна.

– Работали мы на рытье окопов лопатами, – вспоминает Мария Гушина. – Было очень трудно: земля была твердая, в основном красная глина, она липла к ногам, к лопате. Было очень голодно. Организовали общественное питание, но горячее подавалось лишь один раз в сутки – вечером. Очень трудным было задание спиливать с корня деревья. Пилы были очень тупыми, как и лопаты, а точильных аппаратов, да и обычных наждаков, не было. Много было засекречено. Нам объявили, что мы направляемся на прожекторные точки, которые связаны с батальоном, ротой и еще тремя точками. Мы, пять девушек, жили в землянке, каждая из нас исполняла свою должность: начальник точки, два прожекториста, водитель и связист. Мне было поручено проводить «на точке» политзанятия, кроме того, я исполняла обязанности комсорга во взводе.

Линия связи, за которую несла ответственность Мария Гушина, была длиной семнадцать километров, проходила через лес, кладбище, шоссе, новую дорогу. Очень часто приходилось выходить на устранение повреждений

и неисправностей. Носить с собой по две катушки весом тринадцать килограммов каждая. Работа по наладке связи велась круглосуточно, времени на сон почти совсем не было. Батальон Гущиной располагался под Москвой. Боевое положение было почти каждый день. Самым страшным было находиться на линии при постоянном налете на местность немецких самолетов. И так повторялось почти каждый день. Связь пропадала постоянно. Но связист должен быть находчивым: где угодно, но бери связь. Как-то связистке Гущиной нужно было срочно, во что бы то ни стало, устранить неисправность на линии связи. А кругом гул самолетов, свист падающих бомб и взрывы снарядов и мин – словом, ад да и только. Повреждение оказалось на открытой местности. Ползком, чтобы не выдать себя противнику, ей удалось добраться до неисправного участка и устранить повреждение. От радости, что все удалось, она на мгновение потеряла бдительность, за что и поплатилась контузией. Взрывной волной от разорвавшегося рядом большого снаряда ее отбросило в сторону и контузило. Неизвестно, что стало бы с нею, не подоспей однополчане, которые и вынесли на плащ-палатке потерявшую сознание связистку.

Как мечталось о Победе! А она пришла, и не верилось, что это уже все, конец. Многим девушкам после демобилизации командование предлагало остаться в Москве. Демобилизовалась Мария Гущина из рядов Красной Армии в 1945 году накануне Победы в звании ефрейтора с наградами: орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За оборону Москвы», «За Победу над Германией». На фронте она сильно простудилась, долго лежала в госпитале. Врачи говорили, что не будет ходить. Но, к счастью, все обошлось. Вскоре после демобилизации Мария была принята на работу бухгалтером-ревизором районного финансового отделения. Всю последующую трудовую жизнь занималась соцобеспечением, общественной работой, много лет проработала в Совете ветеранов. Оглядываясь на пройденный путь, говорит, что ветеранская работа – дело и благородное, и почетное.

Из воспоминаний ветерана Великой
Отечественной войны
Марии ГУЩИНОЙ

Рядовой войны

После Победы пулеметчик гвардии рядовой Василий Гордеенко, как и все, вернулся домой, в свою деревню Кливы, что в Хойникском районе Гомельской области. И всю жизнь прожил там. Наград у Василия Семеновича много и каждая – шаг на пути к Победе: «За отвагу», «За боевые заслуги», орден Отечественной войны I степени, медали «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги». Самый что ни на есть рядовой войны...

Около ста земляков его белорусской деревни остались лежать на полях сражений Отечественной войны. С фронта вернулись тридцать восемь, и то калек,

тяжело израненных. Среди вернувшихся с войны сегодня в живых остался один – Гордеенко. Не дожил до этого Дня Победы ни один ветеран из ближайших пяти деревень... Косит, косит их возраст, пережитая война...

ПАРТИЗАНСКАЯ ЮНОСТЬ

...Прошу Василия Семеновича рассказать все по порядку, где был, что делал с первого дня войны.

– Двадцать второго июня мы с отцом поехали по дрова, и когда стали уже возвращаться из леса, увидели, как военные самолеты, сделав три круга над деревней, взяли курс в юго-западном направлении, – рассказывает он. – Рядом с деревней находился военный аэродром, на котором стояли двух-

моторные бомбардировщики. Мы подумали, что летуны учения устроили. А они, как выяснилось позднее, ушли бомбить румынские нефтепромыслы. Без прикрытия истребителей их перехватили «мессеры», один только наш самолет вырвался и вернулся с пробитым крылом. О том, что началась война, мы узнали на следующий день.

На фронт по возрасту не взяли: Василию на тот момент не было и семнадцати. Так, оказавшись на оккупированной территории, он, поразмыслив, ушел в партизаны. И до 1943 года, до освобождения Белоруссии, воевал в 5-м партизанском отряде, входившем во 2-ю Калининскую партизанскую бригаду имени Фрунзе. В этот отряд пришли еще пять человек из деревни – такие же мальчишки. А командовал ими бывший учитель Иван Данилович Ярыш. Василий участвовал в разведке, засадах, помогал разбирать железнодорожные пути перед движущимися фашистскими эшелонами. Белорусские партизаны не давали покоя немцам ни днем, ни ночью, нанося огромный урон врагу.

ПЕРВАЯ ЗАСАДА

– Однажды ночью в партизанской зоне на парашютах высадили около тридцати десантников. У них была задача: организовать ряд диверсий против гитлеровцев с участием нашего партизанского отряда. Разделились на небольшие группы, в каждой – половина десантников, половина партизан. Наша группа получила приказ: устроить засаду на дороге, по которой немецкие машины из железнодорожного узла в Мозере везли на фронт оружие, боеприпасы, продовольствие, обмундирование. Тогда я впервые увидел офицерские погоны на плечах старшего лейтенанта, который нами командовал. С командиром были сержант и трое рядовых.

Мы вышли на центральную дорогу, соединяющую Брест с Украиной. Залегли возле берез в канаве. Был поздний вечер, немецкие машины с включенными фарами двигались почти прямо на нас. У десантников в руках – противотанковое ружье системы Дегтярева и автоматы ППШ. У партизан – винтовки. Я крепко держу обрез. Решили, что если будет большая колонна, то пропустим. Если несколько машин – ввяжемся в бой.

Показались всего две машины, – продолжает Семенych. – Мы их подпустили метров на двадцать и ударили по головной. Сразу положили немецкого офицера и водителя. Почти одновременно та же участь в другой кабине постигла фельдфебеля, а водитель бросился бежать от нас в поле. Его достали автоматной очередью. Из кузова закричали: «Не стреляйте, мы свои!» Там оказались двое власовцев. Перед тем как отвести предателей для допроса в штаб нашего отряда и сжечь машины, мы, естественно, поинтересовались их содержимым. В одной из них находилось обмундирование, в другой – продовольствие. Трофеи сгрузили и замаскировали в лесу с надеждой в скором времени вернуться за ними на лошадях. Но не тут-то было.

Оказывается, в соседней деревне стояли мадьяры и в бинокли наблюдали за происходящим. По связи сообщили словакам, чей полк находился рядом: мол, обстреляны немецкие машины. Те на бронемашинах с большого расстояния, скорее для вида, пару раз щмальнули в нашу сторону и быстро ретировались восвояси. Но потом пришли немцы, собрали мужиков с топорами, вырубili кусты и наши трофеи увезли.

– Когда немцы отбили только что освобожденный Житомир, Сталин отдал приказ Жукову остановить наступление, – о другом своем «дебюте» издалиакает рассказ Гордеенко. – Недалеко от Припяти попал в окружение стрелковый полк, восемьсот его бойцов пришли к нам в партизанские леса. Все были очень голодны. Недалеко находилась деревня, а в ней стояла тыловая немецкая часть, где пекли хлеб. Было решено отбить у нем-

цев муку. Я вызвался показать, где находились пекарни, не раз туда уже ходил в разведку. Со старшим офицером, у которого сзади на ремне болтались два парабеллума, мы выдвинулись на лошадях для рекогносцировки. Пока ехали, он пообещал меня пристрелить, если приведу его к немцам. С опушки леса я указал на пулеметные точки. Взяли тогда, короче говоря, немецкие припасы, взяли...

ОТ ВИСЛЫ ДО БЕРЛИНА

...Ночью поднялись по тревоге и, оставив линию обороны, ушли на юг. Переправившись через Вислу, 59-й полк вышел на плацдарм, вытянутый на тридцать километров в глубину, сплошь занятый артиллерией. В четыре утра началась артподготовка, с восточного берега Вислы по обороне противника дополнительно били дальнббйные орудия. Затем немецкие войска «поутожила» авиация. Василий Семенович вспоминает, как дым и земляная пыль поднимались высотой до километра, человеческого голоса не было слышно из-за нескончаемого гула. Подошла танковая рота 68-й танковой бригады. Его 3-й эскадрон был выделен для ее сопровождения в наступлении. Когда они дошли до передовой противника, в блиндажах нашли только трупы двух гитлеровцев, основные силы ушли. Кавалеристы оставили лошадей и десантом на танках догоняли беглецов до самого вечера. Немцы к тому времени закрепились на высоте, которую предстояло взять.

Перед тем как выполнять боевую задачу, конники немного подкрепились, подтянулась полевая кухня с горячей рисовой кашей. Танки двину-

лись к высоте. Десант слетел с брони при первом выстреле из бронббйных орудий, спешился и под прикрытием пошел в атаку. Увы, когда поднялись на вершину, снова увидели брошенные блиндажи и траншеи. Заняли оборону, два танка пошли в разведку, но внезапно нарвались на самоходки. Экипажи погибли. Наутро с немецкой стороны началась артподготовка. Было приказано на огонь не отвечать, ждать наступления противника. Сильный, как никогда, туман оказался кстати: гитлеровцев можно было подпустить вплотную.

– Вскоре мы увидели приближающуюся цепь размытых фигур, – рассказывает Гордеенко. – Кто они? С расстояния четырехсот метров из ручных пулеметов открыли огонь. Не сразу, но выяснилось: по своим стреляем...

...Подтянулись основные силы, привели лошадей. Подъехал командир танкового полка, чтобы посмотреть на подбитые Т-34. Когда он стал к ним приближаться, из стоящего на краю деревни кирпичного дома был открыт пулеметный огонь. Офицер погиб мгновенно. Солдаты были потрясены: недавно они беспечно прогуливались по окраине деревни как раз перед этим домом!

Дом окружили, все обыскали, никого нет. В небольшом погребе все-таки нашли двоих фрицев с МГ-42.

...Корпус освобождал землю Польши вплоть до Штетена. За штурм города Бромберга Гордеенко получил свою первую медаль «За отвагу». Другой боец, пулеметчик, за тот же бой был удостоен Золотой звезды Героя Советского Союза. По пути на Одер Василий Семенович в составе корпуса участвовал в освобождении многих городов...

– В пулеметном взводе кавалерийского эскадрона было четыре пулемета и тачанка, – рассказывает бывалый солдат. – Перед наступлением мы спешивались, лошадей с тачанкой уводили в тыл, а в бой шли как пехота. Прорывали оборону противника – лошадей подгоняли, шли дальше. Лошади использовались исключительно как средство передвижения и тягловая сила. Нас перебрасывали на 50 – 80 километров за сутки: расстояние, которое не преодолеть пехоте. Никаких боев с участием лошадей, никаких сабельных атак во время боевого пути кавалерийского корпуса не было, хотя клинки и шпоры по штату полагались каждому – они хранились в тачанке.

За станковым пулеметом «Максим», на расстоянии вытянутой руки, Горденко не раз видел смерть своих номеров, тяжелые ранения и контузии. Первый номер вел огонь, второй подавал ленту, а из боя часто выходил только он, Василий.

Последний бой состоялся в сорока километрах от Берлина и, как в песне поется, «был трудный самый». Кавалерийской дивизии было приказано взять город Шторков, прилегающий к нему железнодорожный узел. По разведанным город считался пустым, в действительности же там засела крупная группировка.

Гордеенко и Рожков четыре километра тащили на себе «Максимы». И, как оказалось, не зря. Командир полка подполковник Савва Журба на их глазах под утро расстрелял отправил артиллерийский расчет за оставленной на поле боя 45-миллиметровой пушкой.

окрестных населенных пунктов – сначала крадучись, а потом все более и более смело – выходили на улицы и дороги, с нескрываемым изумлением смотрели на двигавшихся в образцовом порядке «ужасных советских казаков», мнимыми зверствами которых так упорно пугала немцев фашистская пропаганда.

– Длинные походные кавалерийские колонны потянулись к Эльбе, – рассказывает ветеран. – Солнце стояло еще высоко, когда 59-й гвардейский кавалерийский Гиссарский Краснознаменный орденов Александра Невского и Красной Звезды полк подошел к реке. Плышались топот копыт. Подскакал подполковник Журба. Обгоняя головной отряд, он скомандовал:

паши в двадцать втором, Гвардейское
знамя – за форсирование Десны в сорок
третьем! Журба взволнованно загово-
рил перед строем:

Гордеенко после Победы вернулся домой не сразу. Полтора месяца стояли на Эльбе, затем его кавалерийский корпус зачищал территорию от эсэсовцев вплоть до побережья Балтики. И еще два года служил в мотоциклетном батальоне 18-й механизированной дивизии Прибалтийского военного округа.

Павел ГЕРАСИМОВ

Фронтová разведчица

Этот рассказ – воспоминания монахини подворья Пюхтицкого монастыря в Москве сестры Адриадны, которая в Великую Отечественную войну была народным ополченцем и, окончив курсы в центре подготовки разведчиков, брала «языка».

...В детстве и юности я была горячей патриоткой, старалась приобрести навыки, необходимые для обороны Родины, – к окончанию школы успела получить диплом медсестры, выполнила нормативы второго разряда по стрельбе и лыжам, прыгала с парашютом, занималась конным спортом. К немецкому языку, который я знала с детства, добавился испанский, поскольку в это время много наших военных отправлялись спасать Испанию от фашистского мятежа. Такая насыщенная жизнь заменяла мне домашний уют. Домой я приходила только спать – по строгому расписанию, не позже двадцати двух часов. Я успешно окончила школу и поступила в Московский авиационный институт. Правда, до этого попыталась отдать документы в Военную академию. Но, несмотря на все мои «военные профессии», получила ответ: «Женщин не принимаем».

Когда началась война, я была на третьем курсе, и у меня, как и у всех тогда, не было сомнения, что фашисты будут разгромлены за короткий срок. Так нас уверяло правительство. И вот, чтобы успеть поучаствовать в этой скорой победе, мы целой группой отправились в военкомат

с заявлениями об отправке на фронт. Но тогда нас прогнали со словами: «Идите учиться – навоюетесь еще...» А на фронте дела шли все хуже. Уже в июле 1941 года стало ясно, что скорой победы не получится: немцы наступали, и самолеты их уже бомбили Москву. Началась эвакуация военных заводов. В сентябре и наш институт собрался выехать в Алма-Ату. Но я твердо решила остаться и добиться направления на фронт.

В начале октября положение на фронтах стало критическим, сводки были все безнадежнее. Бои шли на ближних подступах к Москве – здесь решалась судьба Родины. Когда 16 октября, в день паники, мародерства и беспорядков в Москве, по радио был брошен клич: «Все на защиту Москвы!», то, действительно, все те, у кого сердце болело за свою страну и свой народ, откликнулись на этот призыв. За несколько дней были сформированы дивизии народного ополчения, которым предстояло принять на себя удар врага, уже уверенного в своей быстрой победе. До прибытия подкрепления из сибирских частей нужно было не только выстоять, но и остановить немцев на последних рубежах. В такой момент у меня в руках и оказалось направление в одну из этих народных дивизий. Я отчетливо представляла себе, на что иду, но колебаний не было. Словно какая-то сила руководила мной: я знала, что должна поступить именно так.

Военная моя жизнь началась с того, что наш командир привел меня в комнату, где было еще семь девушек. Располагалась часть в школе, недалеко от метро «Аэропорт». Войдя, мы поздоровались, и я ощутила на себе изучающие взгляды семи пар глаз. Командир сказал: «Вот, Наташа, теперь это будет твоя семья до самой победы. Каждая из вас должна запомнить главное: никогда, ни при каких обстоятельствах не оставлять своего товарища в беде. Закон фронтовой жизни непреложен: сам погибни, но друга спаси». Суровые эти слова потрясли меня и наши горячий отклик в сердце. Командиром нашим был Николай Михайлович Берендеев, Герой Советского Союза с финской войны. Для нас командир стал настоящим

отцом, хотя было ему всего двадцать семь лет. С первых же дней армейской жизни мы осознали, что одного горячего порыва для выполнения солдатского долга недостаточно. Необходимо было в кратчайшие сроки пройти курс обучения. Режим был суровым: в шесть часов утра – подъем, зарядка на свежем воздухе, пять минут на умывание, затем завтрак и с семи часов занятия. Изучали уставы, основы фронтовой разведки, упражнялись в стрельбе и приемах ближнего боя. После обеда и короткого отдыха снова – занятия до двадцати двух часов. Затем отбой и сон на полу, в верхней одежде, но без ботинок и ремня. Я намучилась с одеждой. Ни обмундирование, ни обувь мне не подходили – все было велико. Брюки «галифе» доставали до подмышек, на ноги наматывала две пары портянок. Зато сколько радости было, когда нам выдали ватные штаны и телогрейки, теперь моя тонкая фигура была «спрятана» под толстым ватыным покрывалом, и так я больше походила на мальчишку. Часто, когда мы строем проходили через деревни, выходившие нам навстречу женщины, со слезами причитали, глядя на меня. «Господи, какой молоденький солдатик, совсем мальчишка!..» – и крестили, провожая нас.

Шестого ноября 1941 года мы принимали присягу на верность Родине и народу. Самое трудное на войне – это нескончаемые бытовые тяготы. Ведь служба на передовой – это жизнь без крыши над головой практически в любое время года. Прибытие банного поезда – редкое счастье; походная кухня тоже появлялась не каждый день.

Наконец, первое боевое задание. Командир, остановившись около нашего взвода, стал говорить как будто нам одним: «Немцы готовят прорыв на Волоколамском направлении. Получен приказ провести разведку. Командиром группы назначаю Сапфирского, с ним пойдут шесть человек. Добровольцы есть?» Вперед шагнули все тридцать три. Подойдя ко мне, он, чуть улыбувшись, сказал: «Ну, ты-то уж вне конкурса...» И, назвав еще пятерых, поторопил: «Быстро одевайтесь, машина ждет!» Через несколь-

ко минут, в полной боевой готовности, схватив еще медицинскую сумку, я влезла в кузов грузовичка.

Остановились на берегу замерзшей реки, скрываясь за деревьями. Двое ребят получили от командира группы задание перейти реку и скрытно провести наблюдение в зоне полотна железной дороги. Я смотрела, как они пробираются на другой берег, и чувствовала тревогу. Как плохо, что у нас не было маскировочных халатов. Фигурки уходящих бойцов были видны даже сквозь пелену падавшего снега.

Внезапно послышалась стрельба. Потом снова стало тихо. Неожиданно появился Сапа, один из успешных в разведку. Вид у него был ужасный: без шапки, с искаженным от боли лицом. Он рассказал, что Юра, второй разведчик, тяжело ранен в ногу, и хотя у Сапы ранение было легче, он все равно не смог вынести товарища. Перетащив его в укрытое место, сам с трудом приковывал к нам для сообщения. Мы опешили: как спасти Юру? Ведь добираться до него надо было по снегу без маскировки.

Сама не знаю, как случилось, но я стала быстро снимать с себя верхнюю одежду, оставшись только в белом теплом белье. Схватила сумку, в которой был комплект экстренной помощи. Сунула за пазуху гранату (чтобы избежать плена), перетянулась ремнем и бросилась по оставленному Сапой на снегу следу. Остановить меня не успели, хотя и пытались.

«Он ведь ждет помощи, нельзя его оставить там!» – бросила я на ходу, как бы подчиняясь властному внутренне-

му приказу, хотя страх сжимал сердце. Я нашла Юру, перетянула его ногу жгутом, соединила наши ремни, попросила помогать мне руками, и мы двинулись ползком в обратный путь. Раненого я тоже присыпала снегом, благо он шел все время, и немцы не смогли нас заметить. На полпути нам бросились навстречу наши ребята, взяли на руки Юру, да и меня тоже пришлось тащить – силы меня оставили.

В конце мая 1942 года мне предложили поехать в центр подготовки разведчиков, я согласилась. Свое решение сообщила представителю центра в нашем политотделе, дав подписку держать все в строгой тайне. И это было самое трудное для меня испытание. Потому что пришлось сказать своим товарищам, что я возвращаюсь для продолжения учебы в авиационный институт. Сначала они не поверили, а когда я упорно стала повторять эту версию, они, прежде чем перестать со мной разговаривать, сказали с обидой: «Значит, бежишь с фронта, бросаешь нас? А мы так в тебя верили...»

Слезы стояли у меня в глазах, душило настоящее горе от осознания невольного своего «предательства». Но сказать правду я не имела права. И только спустя годы я смогла все объяснить оставшимся в живых и ставшим для меня навсегда близкими дорогим моим разведчикам.

Через три месяца мне присвоили звание младшего лейтенанта и направили в распоряжение полуправления 16-й армии, под Сухиничи.

Через день мне было приказано отправиться по известному маршруту в занятую немцами деревню Игнатьево.

Там на краю села была изба, где жила семья помогавшего нам крестьянина. Он был связан с партизанами и вызвался передавать нам полученные от них сведения. Но наш разведчик, посланный к нему на предыдущей неделе, не вернулся, и теперь предстояло «продублировать» его задание. Мне были сообщены все необходимые данные и условные знаки, предупреждающие об опасности.

Я увидела сарай и прислоненные к нему в «безопасном» положении грабли. Почти успокоившись, уже собралась выходить из укрытия и вдруг уловила краем глаза движение у сарая. Молодая женщина быстро подошла к граблям и повернула их зубьями наружу: опасность! Она убежала, а я была в смятении. Что там у них изменилось, если никто не входил туда за это время. Я совсем растерялась: чему верить? А время шло, и скоро уже вся деревня проснется. Решение родилось помимо моей воли, где-то внутри меня. Предупреждение об опасности не могло исходить от предателя. Ожидаемого посланника явно хотели предупредить, спасти от чего-то непонятного, но страшного. Надо уходить и немедленно...

Возвращалась, тем не менее, в ужасном состоянии: что меня ждет за невыполнение задания? Только к концу дня добралась до своих. И вдруг навстречу мне с радостными криками выскочили мои сослуживцы. Меня тискали и целовали, а в промежутках рассказали, что я разминувшись с партизанской девочкой, которую с большим риском прислали к нам, чтобы предупредить о предательстве хозяина избы. Это по его вине

схватили немцы нашего разведчика. Та же участь была уготована и мне. Спасена я была поистине чудом, в день моего ангела – 8 сентября 1942 года. Генерал вызвал меня к себе, вышел навстречу с особенной своей застенчивой улыбкой, протянул руки, в которых утонули мои ладошки, и сказал:

– А вы, оказывается, еще и умница! Чем же вас наградить.

Осмелев, я выпалила:

– Разрешите до конца войны служить с вами!

Он рассмеялся:

– Почему же только до конца войны, можно и дальше...

О великом Сталинградском сражении написано очень много. Я же хочу вспомнить только о том, что видела и пережила лично, находясь четыре месяца в истинном аду. Зажатые в «клещи» немцы пытались прорваться. Ни днем, ни ночью не смолкал грохот разрывов. Иногда напши оказывались в окружении. Когда это случилось с батальоном Алексея Очкина, один из солдат, у которого были ранены обе руки, зубами вырвал чеку у гранаты и бросился с ней в гущу врагов. Ценой своей жизни он дал возможность выйти из кольца окружения товарищам. Мне и самой спасли жизнь солдаты части, в которую я попала только накануне. Внезапно немцы поплыли в атаку, взрывной волной меня отбросило к берегу Волги, и я потеряла сознание. А когда очнулась, увидела, что плыву по реке, привязанная к доске. Подобрал меня катер. Как я потом узнала, из тех, кто был тогда рядом со мной, в живых остался только один боец.

На Курской дуге готовилось грандиозное танковое сражение. От разведчиков поступали свежие сведения о противнике. Моя непосредственная работа в эти дни заключалась в прослушивании противника по проводной связи. Подключившись, я слушала и запоминала все важное, что передавало немецкое командование своим войскам. Затем возвращалась к своим и сообщала об услышанном в штаб. Дважды такие операции прошли удачно. Но до конца жизни не забуду того, что случилось в третий мой рейд. Когда я уже отключилась и выбралась из укрытия, чтобы, дождавшись темноты, вернуться к своим, спиной почувствовала, что не одна. Быстро обернулась, выхватив пистолет, и тут же получила удар по руке. Мой пистолет мгновенно оказался у стоявшего передо мной немца. Я ока-

менела от ужаса: сейчас меня отведут в немецкий штаб. Господи, только не это! Я даже не разглядела, что это был за немец – ни звания, ни возраста не поняла от страха. Сердце выскочило из груди, я почти не дышала. И вдруг, схватив меня за плечи, немец рывком повернул меня спиной к себе. «Ну вот, сейчас он выстрелит», – даже с облегчением подумала я. И тут же получила сильный толчок в спину. Далеко впереди меня упал и пистолет. «Я не воюю с девочками. А пистолет возьми, иначе тебя свои же расстреляют...» Я обомлела, повернулась и увидела длинную фигуру, уходившую вглубь леса. Ноги не повиновались мне, и я, спотыкаясь, побрела к месту, откуда с темнотой можно было выйти к своим. По дороге привела себя в более или менее нормальное состояние и вернулась как обычно. У меня хватило ума никому не рассказывать о случившемся. Потом уже, значительно позже, поделилась с близкими друзьями. Сын одного из них, позже принявший монашество, произнес ставшие для меня не так давно откровением слова: «Неужели вы до сих пор не поняли, что вас все время хранил Господь, и кто-то сильно молился за вас и ваше спасение?..»

В День Победы нам дарили столько прекрасных цветов, что удержать их в руках было невозможно. Но до сей поры лесной подснежник вызывает у меня трогательную нежность за первое ощущение возвращения от войны к нормальной жизни. После победы на Орловско-Курской дуге я воевала в Прибалтике, где и встретила победный май 1945-го.

Мой путь к храму был долог. В глубине души я всегда оставалась верующим человеком. В начале 80-х у нас на работе состоялась экскурсия в Троице-Сергиеву лавру. Когда я подошла к раке с мощами Преподобного Сергия, то забыла про экскурсию и все время простояла у мощей. А потом случилось еще одно знаменательное для меня событие. Сережа Лукапенко, сын моего однополчанина, к тому времени уже покойного, по окончании университета ушел в семинарию и стал монахом. С ним и его мамой мы поехали к нему в деревню в Ярославской губернии, где он жил в небольшой избушке возле огромного храма. У него в доме все было очень скромно, даже убого. А у меня в душе поднялась волна такого восторга, что я неожиданно для себя воскликнула: «Господи, дай мне такую же веру, как у него!»

На подворье Пюхтицкого монастыря в Москве я пребываю по милости Божьей с первого дня его организации – с 1994 года. Никогда не забуду минуты ожидания своего нового имени, а когда из уст владыки прозвучало: «Сестра наша Адриана», мне трудно было сдержать свою радость. Теперь я навсегда останусь со своей святой – мученицей Наталией, так как она и Адриан – это одно целое душой и телом. Тихая глубокая радость охватила меня – мои чудесные ангелы-хранители остались со мной. Я с детства любила свое имя, любила свою небесную покровительницу святую Наталию и хорошо знала ее святую жизнь и жизнь ее мужа – святого мученика Адриана.

По материалам спецвыпуска журнала «Вестник военного и морского духовенства»

САДЫРИН ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

За время Великой Отечественной был ранен три раза. Прошел всю войну. И в 1945 году был отправлен на Дальний Восток...

Тогда он служил командиром батальона морской пехоты.

В одном из сражений ему пришлось вместе со своим батальоном с моря занимать позиции на берегу. В процессе операции он захватил японский корабль вместе с экипажем – пятьсот человек.

«Как-то на Японском фронте, – вспоминает Григорий Григорьевич, – я встретился с американским военным – с капитаном (фамилии его уже не помню), чьи родители были «белыми» эмигрантами из России. Но тогда я еще не знал этого. Я предложил ему по случаю знакомства китайской водки – ханжи. Капитан оказался любитель выпить.

Когда я сказал, что он пьет как русский, он рассмеялся и признался, что он и есть русский – потомок «белых» эмигрантов... А потом «русский американец» обнял меня и сказал, что кто как работает, так и отдыхает. Немудрено, что именно русские спасли мир от фашизма...

ПОДОБЕД АЛЕКСЕЙ КУЗЬМИЧ

В годы Великой Отечественной войны был командиром разведки 431-го стрелкового полка 52-й стрелковой дивизии Братухина П. К.

По комсомольскому призыву в 1943 году как доброволец был направлен на фронт в действующую 57-ю армию 52-ю стрелковую дивизию...

Первые бои принял зимой на Северном Донце (вблизи г. Павлово). С этого плацдарма началось наступление наших войск... Потом было освобождение Украины, в 1944 году – Молдавии, бой в Румынии, Болгарии, Австрии...

«После завершения Будапештской операции, – вспоминает Алексей Кузьмич, – наша дивизия продвигалась в направлении Вены. Под Веной произошло слияние войск 3-го и 2-го Украинских фронтов»... Далее была оборона Вены...

После освобождения Вены 431-й стрелковый полк в составе 52-й стрелковой дивизии был переброшен в Чехословакию, где Алексей Кузьмич и встретил Великую Победу. Но на этом война для него не закончилась... Его дивизия была переброшена в Забайкальский военный округ Монгольской Народной Республики, откуда и была направлена по Монголии на маньчжурскую границу форсировать Большой Хингал...

За время войны Алексей Кузьмич награжден орденом Красного знамени, орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды и другими правительственными наградами.

КОНОВА АЛЛА ГРИГОРЬЕВНА

Одна из «ромашек, опаленных войной», так называли себя сочинские женщины, прошедшие войну.

Накануне войны Алла Григорьевна, а тогда просто Аллочка, после школы поступила в Ленинградский строительный институт. Но началась война, и институт закрыли.

Немцы стремительно наступали. Фронт подошел к стенам Ленинграда, и город оказался отрезанным от «большой земли» блокадным кольцом. Вернуться домой в Сочи у Аллы не получилось. Денег не было, студенческое общежитие закрыли. Чтобы выжить, студентка пошла в военкомат и записалась в охрану завода, который выпускал торпеды для военных кораблей.

Ночью девушка дежурила: охраняла завод, тушила пожары на крышах домов, спасала раненных, а днем рыла окопы.

– Есть хотелось безумно, – рассказывает Алла Григорьевна. – На восемнадцать человек давали одну буханку хлеба. Ночью, собираясь на дежурство, думала только об одном: надо доесть свою краюху, вдруг убьют, а хлеб останется...

Немцы, зная, как голодают девчонки, роющие окопы, забавлялись, дразня их булкой белого хлеба на палке.

– Высунут из окопа высокий шест с булкой и размахивают ею, – вспоминает Конова. – Смотреть на этот шест с булкой было просто невыносимо. Наш снайпер, бывало, не выдержит и, рискуя жизнью, спшибет эту булку, тогда мы голодные шли в блиндаж делить свой ежедневный пай хлеба. А перед глазами так и маячила белая немецкая булка...

Сама удивляюсь, как нам удалось выжить?! В сознании уменялось только две мысли: поесть и поспать.

ПАХНОЦКИЙ НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ

Пишет стихи и песни, выступает с концертами самодеятельных творческих коллективов в военных частях армии и флота, ведет патристическую работу с молодежью.

В далеком 1941-м, будучи мальчишкой двенадцати лет, он встал на защиту Родины и прошел через все тяготы войны до самого дня Победы...

Войну он встретил в Белоруссии у родственников. Когда в Витебск ворвались немцы, ему было двенадцать лет. Спрятав свой пионерский галстук, он отправился в лес искать партизан...

В партизанском отряде воровал медикаменты с немецких складов.

Также его использовали как связного между партизанскими отрядами Заозерья, Лезно и Рудня, разведчика и проводника для раненных партизан.

В боях за освобождение Белоруссии погиб командир Николая Степановича Сачко и другие партизаны, и Пахноцкий решил записаться добровольцем на фронт. Но его не взяли по молодости лет. Тогда после освобождения Витебска он, набрав продуктов и спрятавшись под брезентом артиллерийских орудий, бежал на фронт в военном эшелоне, шедшем на передовую.

Обнаружили Николая Степановича только перед самой выгрузкой орудий. Поначалу его хотели сразу без разговоров отправить назад в тыл. Но учитывая его партизанское прошлое и награды, все же оставили. Так он очутился на передовой в составе артбатареи 3-го Белорусского фронта...

В действующей армии ему пришлось участвовать в сражениях по форсированию Березины и Вильнюса осенью 1944 года. В этих боях он был контужен и отправлен в госпиталь. После этого вернуться на фронт Пахноцкому не удалось. Его приписали к медицинской службе военного полевого госпиталя, в составе которого он прошел Кенинсберг, Исенбург, Штейндорф и закончил войну в Германии в возрасте шестнадцати лет.

МОРОЗОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

В годы Великой Отечественной войны был старшиной, водителем танка. Принимал участие в обороне Москвы, боях под Сталинградом, Курском сражении, прошел всю войну до самого конца. Ему довелось даже принять самое непосредственное участие во взятии в плен немецкого фельдмаршала, командующего 6-й германской армией Фридриха Паулюса.

Как вспоминает Николай Иванович, взятие в плен Паулюса солдатами было чистой случайностью... Паулюс прятался в подвале универмага, в комнате, где раньше был склад детских игрушек...

«В комнате было чисто. Большой стол был застелен зеленой бархатной скатертью, на кушетке у стены стоял аккордеон. Рядом на койке в рубашке без кителя (мундир висел на стуле) сидел осунувшийся, исхудавший, небритый пожилой мужчина. Это и был фельдмаршал Фридрих Паулюс.

В пгтаб сообщили, что немцы капитулируют. Немцы выкатили припрятанную в подвале легковушку. В открытый автомобиль сели сопровождавшие немецкого генерала и немецкие офицеры. Прикрепив советский красный флаг и немецкий коричневый флаг со свастикой, эскорт с охраной двинулся вдоль фронта, предлагая прекратить стрельбу. Что интересно, русские солдаты никак не могли найти советский красный флаг. Двое смекалистых бойцов притащили кусок красной материи и из нее соорудили красное полотнище флага...».

МОРОЗОВА ИДЕЯ ВАЛЕНТИНОВНА

Великую Отечественную войну прошла медицинской сестрой. За годы войны солдатам сдала более семидесяти шести литров крови.

Вытаскивала солдат с полей сражений, из горящих танков и окопов... От Воронежа, через Курскую дугу, далее на

Сталинградском фронте, под Москвой – работала как операционная сестра, сдавала кровь раненым...

Окончив в Липецке медицинские курсы, семнадцатилетняя Идея была направлена на фронт медсестрой в госпиталь под Воронежем.

«На войне все было быстро, – вспоминает Идея Валентиновна. – Нужно было быстро найти раненого, быстро доставить в госпиталь и быстро оказать помощь. От нашей мобильности и умения мгновенно принимать решения каждый раз зависела человеческая жизнь. Место, где располагался наш госпиталь, мы называли «маленький Сталинград», поскольку оно часто подвергалось обстрелу, и долгое пребывание там раненых было опасным. Медицинский персонал не считал свою работу подвигом, мы просто оказывали людям помощь, сдавали кровь, выхаживали тяжело раненых после операций».

ТОСУНОВ ГЕОРГИЙ СПИРИДОНОВИЧ

По национальности грек, по волею судьбы стал «русским» и Великую Отечественную войну встретил не в Греции, а в рядах Красной армии, куда был призван для прохождения срочной службы.

– К зиме 41-го, – вспоминает Георгий Спиридонович, – нас перебросили на защиту Москвы, где мы держали оборону в районе Волоколамска. Потом с боями прошел Смоленск, всю Украину,

Белоруссию, Польшу – до самой Германии.

Конец войны застал Тосунова в Берлине. Там ему лично сам маршал Жуков вручил правительственную награду и премию – десять килограммов сахара на обратный путь домой в Сочи.

За время войны Тосунов получил немало наград: две медали «За отвагу», орден Великой Отечественной войны II степени, орден «За боевые заслуги», медали за освобождение Польши и взятие Германии. В общей сложности – двадцать восемь медалей и орденов, но самая дорогая, как говорит Георгий Спиридонович – «За оборону Москвы».

– Если вспомнить минувшее, – рассказывает Тосунов, – самое тяжелое – это оборона Москвы... Линия обороны – сотни километров с севера на юг, и все это – живая цепь из людей.

Задача стояла одна: удержать любой ценой дороги, ведущие к Москве. И неважно, выживем или нет, главное, не пропустить немца. Каждый день на моих глазах гибли мои товарищи, но оборону мы держали...

Пик наступил, когда в начале декабря 41-го создалась мощная группировка войск с обеих сторон – противостояние. Тогда немцы стянули к линии обороны Москвы все свое вооружение, но чудом (иначе не назовешь) нам удалось сломить натиск немецких войск.

Противостояние длилось три недели. Не было времени даже отдохнуть в окопе. Обстрел не стихал ни на минуту. Это было похоже на сплошное месиво из атак авиации, как нашей, так и противника. Когда шла бомбежка, не слышно было телефона, и всю информацию передавали по живой цепочке. Говорят, что сам маршал Жуков пользовался таким «живым телефоном».

Потери при таком сильном натиске были не просто большие, а огромные. Рассказывают, что Сталин даже приказал, чтобы Москву трижды облетел самолет, на борту которого была икона Казанской Божьей Матери...

Когда все закончилось полным разгромом немцев под Москвой, в полевой газете написали: «За подвиг, за то, что не сдали Москву, все бойцы, принимавшие участие в обороне, были награждены медалью «За оборону Москвы». Так мы все – от генерала до рядового – стали в одночасье героями. А под Москвой после наших боев еще долго вьдмались в небо горы рваного железа, а сама земля была пропитана кровью...

КАСУМЯН ГРИГОРИЙ КАРАПЕТОВИЧ

Войну встретил в Тбилиси, куда прибыл для прохождения срочной службы в пограничных войсках. После окончания двухмесячных курсов снайперов он был направлен защищать тыл Северо-Кавказского фронта на западных границах Грузии и Азербайджана в местечках Лагодехи и Белокопи.

– Впервые по-настоящему страшный бой мне довелось пережить в Геленджике, куда я пошел в составе снайперской команды, – вспоминает Григорий Карапетович, – это была жесточайшая бомбардировка немецкой авиации. Казалось, что от порта не останется и следа. Целью неистовой воздушной атаки был наш десант, подготовленный к высадке на Малую Землю. Мы выжили чудом. И уже через сутки после пережитого наша снайперская команда через горный перевал шагала в прифронтовую станицу Ереванская.

На перевале снег лежал по колено и продолжал все идти и идти. На снегу черными пятнами выступали припороченные и окоченевшие трупы русских солдат – следы немецкой бомбардировки...

Когда добрались до станицы, население, встретившее нас, пришло в ужас от нашего вида. Так сильно мы вымокли, устали и выпачкались в грязь.

Надо сказать, что встретили нас очень радушно. Меня и моего друга Петю поселили у одной пожилой женщины.

Наутро, во время завтрака, мой товарищ Петя рассказал свой сон. Ему приснилось, будто бы мы шагали с ним вместе по дороге, и вдруг подметка с его сапога оторвалась и частично отвалилась. Наша хозяйка, услышав о таком сне, заохала и запричитала, а ее дочка прикрыла лицо руками и сокрушенно закачала головой.

Мы ничего не поняли, только когда уходили, старуха вдруг подскочила ко мне с иконой Божьей Матери, резко развернула, перекрестила и, благословив, пропела молитву Богородице...

Через несколько дней мое отделение участвовало в тяжелом бою за станицу Ереванская. В этом бою моего друга Петю очень сильно ранило.

Когда я снова увиделся с нашей хозяйкой, она расплакалась. Обнимала меня и все время приговаривала: «Касатик, жив, жив!..». А после объяснила мне сон моего товарища: оторванная от сапога подметка означала, что одного из нас должны были убить. Но то, что подметка оторвалась не до конца – значило ранение. Так и случилось, Петю хотя и тяжело, но не смертельно ранило.

Сон оказался в руку. Я остался невредим. Знать, старушкина молитва и заступничество Богородицы помогли. Более того, в бою за станицу Ереванская я отличился, и меня наградили медалью «За отвагу». Это была моя первая боевая награда...

С днем рождения, Краснофлотец!

Георгий Артемьевич Широков родился 1 мая 1924 года. В 1942 году, в восемнадцать лет, начал свой боевой путь по дорогам войны в составе 101-й морской железнодорожной артиллерийской бригады Балтийского флота.

Участвовал в боях за освобождение Ленинграда от фашистской блокады, в боевых действиях на Карельском перешейке. Позднее в составе бригады с боями прошел до Восточной Пруссии. После завершения боев по разгрому окруженной Курляндской группировки фашистов встретил День Победы под Либавой.

После войны Георгий Артемьевич окончил военно-морское училище и служил офицером на знаменитом линкоре «Новороссийск» (1949 – 1953 гг.). После окончания военной академии (ныне – Военная академия РВСН имени Петра Великого) Широков более двадцати пяти лет посвятил службе в Вооруженных силах страны. В 1972 году вышел в отставку, находясь на службе в Генштабе Вооруженных сил. В звании полковника завершил свою трудовую деятельность, работая до 1986 года в военной науке. В настоящее время проживает в Москве.

За храбрость, героизм и мужество, проявленные в годы Великой Отечественной войны, а также за заслуги перед Родиной в мирное время Георгий Артемьевич был награжден орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной звезды, дважды медалями «За боевые заслуги», медалью «За оборону Ленинграда» и многими другими наградами.

Редакция журнала с большим удовольствием поздравляет Георгия Артемьевича с Днем рождения и желает здоровья, многие лета, бодрого духа и всяческих благ.

Каждый год День победы Георгий Артемьевич Широков встречает в Парке Победы на Поклонной горе. В этот праздник он всегда приходит на территорию экспозиции военно-морского флота, где установлена его 152-миллиметровая пушка «МУ-2» (Морская универсальная). Именно с этим орудием краснофлотец Широков прошел всю войну и встретил Победу в далеком 1945 году.

«Посвящение»

Чичев Юрий Иванович

«Раскинулось море широко...»
Матрос у прицела поет,
И бьет по фашистам Широков
За весь пострадавший народ.

Он — русского флота элита,
Родная морская душа;
Паша ли турецкий иль Гитлер,
В прицеле — ударит, круша!

Наследник Отечества славы,
Великой Победы творец,
Он гордость советской державы,
Для новой Руси — образец.

Их было в стране — миллионы,
Что встали навстречу врагу...
Прогнали его за кордоны,
На рейнском добив берегу.

На флотской ширококовской робе
Нет места уже для наград.

Они для матроса не хобби,
А пропуск на Главный Парад.

И все тяжелее с годами
Парадная форма его.
А сны возвращают ночами
К боям моряка своего.

Теперь ветеран с бородою,
До правнуков память донес.
Походкой идет молодою,
А дети кричат: «Дед Мороз!»

Смотрите ребятки на деда,
Гляди, православный народ:
То наша живая Победа
Морскою походкой идет!

Шагает Гвардеец Широков,
Как совесть российской земли...
«Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали...»

В море, как дома

Статная выправка, волевой взгляд, сила, мощь моряка-подводника – таких мужчин видно сразу. Корреспонденту журнала посчастливилось побеседовать с заслуженным ветераном Нижегородской области, легендарным человеком и моряком от Бога – Аркадием Викторовичем Ганрио. Контр-адмирал в отставке пришел на встречу с изданной в 2011 году автобиографической книгой, которую он написал по воспоминаниям. Читается она легко, в ней чувствуется жизнь, морская душа. Книга «От восточных до северных морей», подписанная собственноручно автором Аркадием Ганрио, теперь занимает почетное место в библиотеке нашей редакции. Особенно интересно и увлекательно ее читать после личной беседы с автором книги.

Тяга к морю была не случайна, еще в детстве Аркадий Викторович запомнил матросов в тельняшках, бескозырках и клешах. Как признается сам контр-адмирал, где-то до шести лет воспоминаний мало, но моряки так и засели в его памяти. Родился Аркадий Ганрио в 1925 году в Ленинграде, через семь лет в связи с переводом отца в сельскохозяйственный институт вся семья переехала в Воронеж. Когда Аркадий Викторович окончил девять классов, началась Великая Отечественная война. Пять дворовых друзей бросились в военкомат записываться на фронт, но 16-летних не призвали, и они ушли работать на радиозавод.

Война застала Аркадия Викторовича в 1945 году, когда, будучи курсантом Тихоокеанского высшего военно-морского училища, он проходил практику на кораблях Амурской военной флотилии. Это была война с Японией. Всех курсантов записали дублерами на боевые посты кораблей.

– Мы уже представляли себе, что такое война, но обрадовались, что идем воевать с Японией, – вспоминает Аркадий Ганрио. – Нам присвоили почетное звание морских пехотинцев, так как на Амурской флотилии морской пехоты не было, а надо было участвовать в боевых действиях по берегам реки Сунгари, куда корабли флотилии вошли из реки Амур. Нам оперативно сменили ботинки на сапоги и назвали морской пехотой. Так что я почти целый месяц был морским пехотинцем!

На подходе к селению Дзямусы (правый берег реки Сунгари) левый наводчик носовой орудийной башни монитора «Ленин», дублером которого был курсант Ганрио, получил смертельную пулю в лоб. Старшина башни приказал дублеру сесть на его место. «Мне стало страшно, но воинский долг и присяга усадили меня в кресло наводчика, а мыслишка все же была: «Вот и меня сейчас в лоб», но Бог миловал» (из книги «От восточных до северных морей»). Первую свою награду – медаль «За победу над Японией» Аркадий получил в стенах училища.

Период жизни курсантом Тихоокеанского училища оставил свои незабываемые впечатления. О том, как всегда

хотелось есть в первые годы учебы, и как радостно было проходить практику на боевых кораблях Тихоокеанского флота; как после возвращения с Амурской флотилии курсанты навезли самурайских мечей, кинжалов и пистолетов; как во время стажировок понравилась служба на подводных лодках, и созрело желание быть подводником. Став им, Аркадий Ганрио ни разу не пожалел о своем выборе.

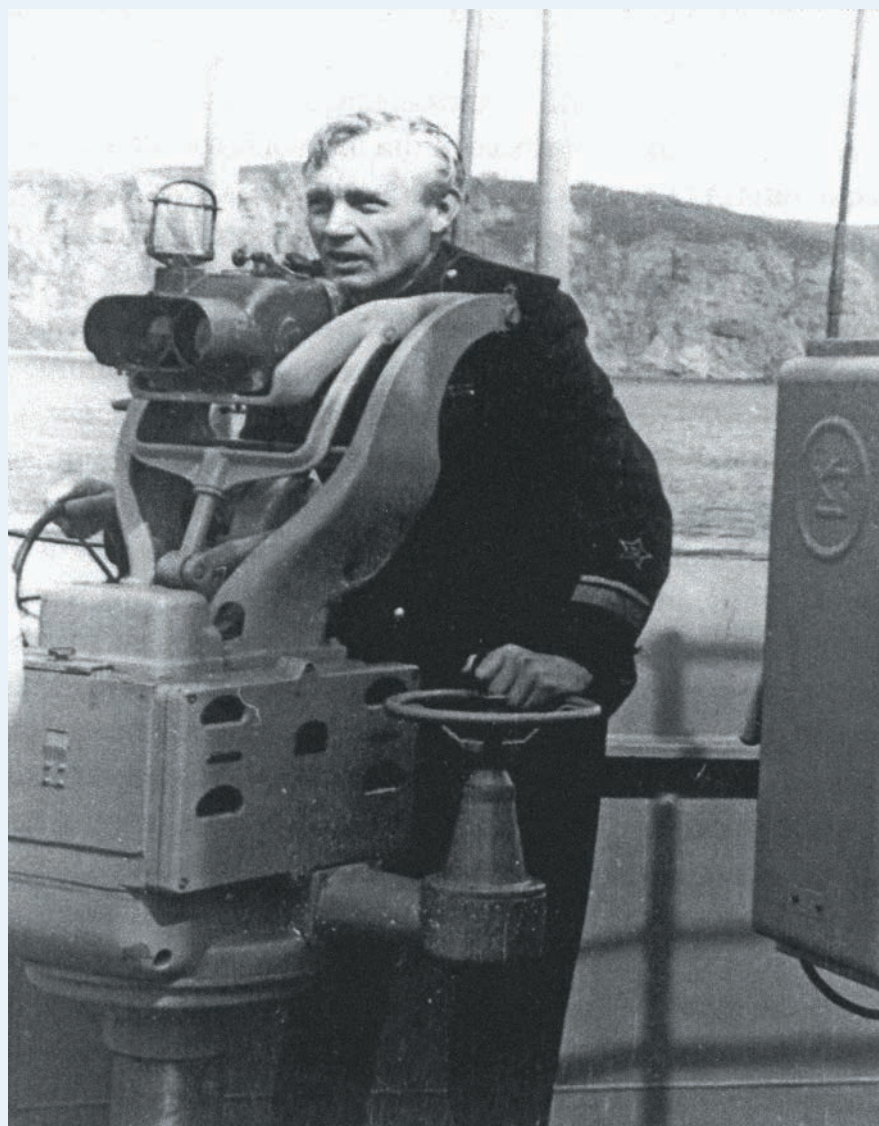
Спать в одном помещении и питаться из одного котла – далеко не все особенности жизни экипажа подводной лодки. От матроса до командира привилегии почти у всех одинаковые (хотя у командира их, конечно, больше). Отличительной чертой подводников Аркадий Викторович считает воспитание, которое закладывается всем дружным офицерским коллективом корабля в каждого матроса.

– Вот я всегда морских офицеров сравнивал с царскими офицерами, – признается Аркадий Викторович. – Это люди высокой культуры. Их эрудиция, поведение в обществе, отношение к службе, к своей форме одежды – вот это всегда мне нравилось. А еще взаимоотношения между экипажем и командиром, офицерами и матросами – такое семейное, дружеское, приятное. Без мата и всяких подначек.

Блестели золотом погоны и лейтенантские нашивки, «краб» на белой фуражке и кортик на боку – именно такой образ начинающего подводника в памяти Аркадия Ганрио относится к 1948 году, когда началась его интересная и вместе с тем сложная служба на подводных лодках. За свою жизнь Аркадий Викторович успел поплавать на разных лодках, таких как «Малютка» шестой серии (самая первая для А. Ганрио), субмарина «Щука», советские подводные лодки «Сталинец» и «Ленинец».

Впечатлений о первых подводных лодках – служба в Находке и Порт-Артурский период службы – очень много. Это первые стрельбы по целям, сопровождаемые первыми ошибками; курьезные случаи; природа Приморья, в частности красивейший остров Аскольд; случайная встреча с адмиралом Кузнецовым; обучение китайских экипажей, вкусная китайская кухня и многое другое.

Командирская служба, о которой мечтал Аркадий Ганрио, началась в 1956 году на большой дизельной лодке «Б-19». Здесь уже шли отработки задач по использованию оружия подводной лодки – торпедные и артиллерийские стрельбы, минные постановки. Не за-

быть моряку-подводнику и встречи с рыболовным сейнером. Как-то раз избежали столкновения и разошлись в метрах десяти-пятнадцати со сейнером, который оказался без управления, с пустой рулевой рубкой – видимо, хорошо рыбаки отмечали улов. Интересных случаев за морскую практику у Аркадия Викторовича накопилось много. В море он себя чувствовал как дома. Даже все звание получал по радио в море, только первое офицерское и последнее адмиральское на берегу. И две дочери Аркадия Викторовича появились на свет, когда он был в море.

– Однажды меня вызывают и спрашивают: «Как вы посмотрите на то, чтобы пойти командиром на атомную лодку?» – вспоминает Аркадий Ганрио. – «Конечно, с удовольствием!» – ответил я. Снова отправился на учебу, только уже не в Ленинград, а в город Обнинск.

После обучения экипажа в 1962 году атомоход под командованием Аркадия Ганрио отправился в автономный поход

из Уссурийского залива вдоль японских островов и с выходом в Тихий океан. Затем была командировка на Северный флот, чтобы поделиться опытом автономного плавания, по возвращении из нее – назначение заместителем командира дивизии, а впоследствии командиром соединения. Под его началом было девять субмарин, на борту каждой – атомный реактор. Камчатский период службы Аркадий Викторович вспоминает с удовольствием. Плавать приходилось очень много – походы на боевое дежурство, выходы на отработку курсовых задач, выходы на стрельбы – так, за 1970 год контр-адмирал Ганрио пробыл в море 208 суток! За время службы на Камчатке Аркадий Викторович пять раз встречался в океане с атомоходами США, в трех случаях его экипаж первым обнаруживал американцев.

В начале 70-х контр-адмирал Ганрио прибыл в Нижний Новгород (ранее Горький) по направлению штаба ВМФ, где стал главным морским начальником и коман-

диром бригады строящихся подводных лодок на заводе «Красное Сормово». Но и здесь Аркадий Викторович не расстался с морем – выходил в плавания на заводские испытания. Зачастую ходили в холодные месяцы – в море со льдом. И это действительно были испытания – испытания напряженной и сложной работой. В 1984 году в связи с выходом на пенсию Аркадий Викторович уходит работать в Волжское пароходство капитаном-наставником. Обучал капитанов плаванию в военное время, уклонению от мин, торпед и самолетов противника. Но выходить на судах в море в заграничные плавания он не мог – компетентные органы боялись, что у подводника со стажем будут выпытывать секреты Военно-Морского Флота.

Аркадий Викторович не только не рассказывает о военных тайнах, но и скромно молчит о своих наградах и заслугах: о полученном ордене Ленина, о назначении в возрасте сорока двух лет контр-адмиралом – самым молодым на флоте. Богатейший опыт и ценные знания Аркадий Викторович приобрел за тридцать шесть лет службы на подводных лодках, из которых двенадцать – на дизельных и двадцать четыре – на атомных.

За все годы службы у ветерана-подводника не было ни одной серьезной аварии. Он считает себя удачливым, счастливым человеком. А удача, как нам известно, улыбается сильнейшим.

Редакции журнала
«Морской пехотинец»
с уважением к журналу
и людям его творцам.

[Signature]
Ганрико/
12.04.12г.

Находясь на заслуженном отдыхе, сейчас Аркадий Викторович занимается патриотическим воспитанием молодежи и активно работает с ветеранами ВМФ.

Выглядит Аркадий Викторович гораздо моложе своих лет, интеллигентно разговаривает, остроумно шутит. Стоит отметить, что, будучи подводником и проводя столько времени в море, он успевал посещать музеи, оперетту и театры, читать книги. Рас-

сматривая жизнь Аркадия Викторовича Ганрио через призму его рассказов, воспоминаний и увлекательных страниц автобиографической книги, со всей очевидностью понимаешь, что интересная и вместе с тем героическая профессия подводника – его истинное призвание и предназначение. И главное, что он доволен своей жизнью!

Юлия МОРОЗОВА

ГИМН МОРСКОЙ ПЕХОТЫ

Ю. А. Фомичев

1. Ты великим Петром создана
И овеяна славой Побед,
При Гангуте в бою рождена,
Этой битве, друзья, триста лет.

Тельник, братья, нам кровь горячит,
И обходит всех смерть стороной,
Он нам грудь прикрывает, как щит,
Бескозырка родная со мной.

Припев:
Славься, славься, морская пехота.
Ты, как Родина, нам дорога,
Гордость, честь и жемчужина флота,
Ты, как смерч, ураган для врага!

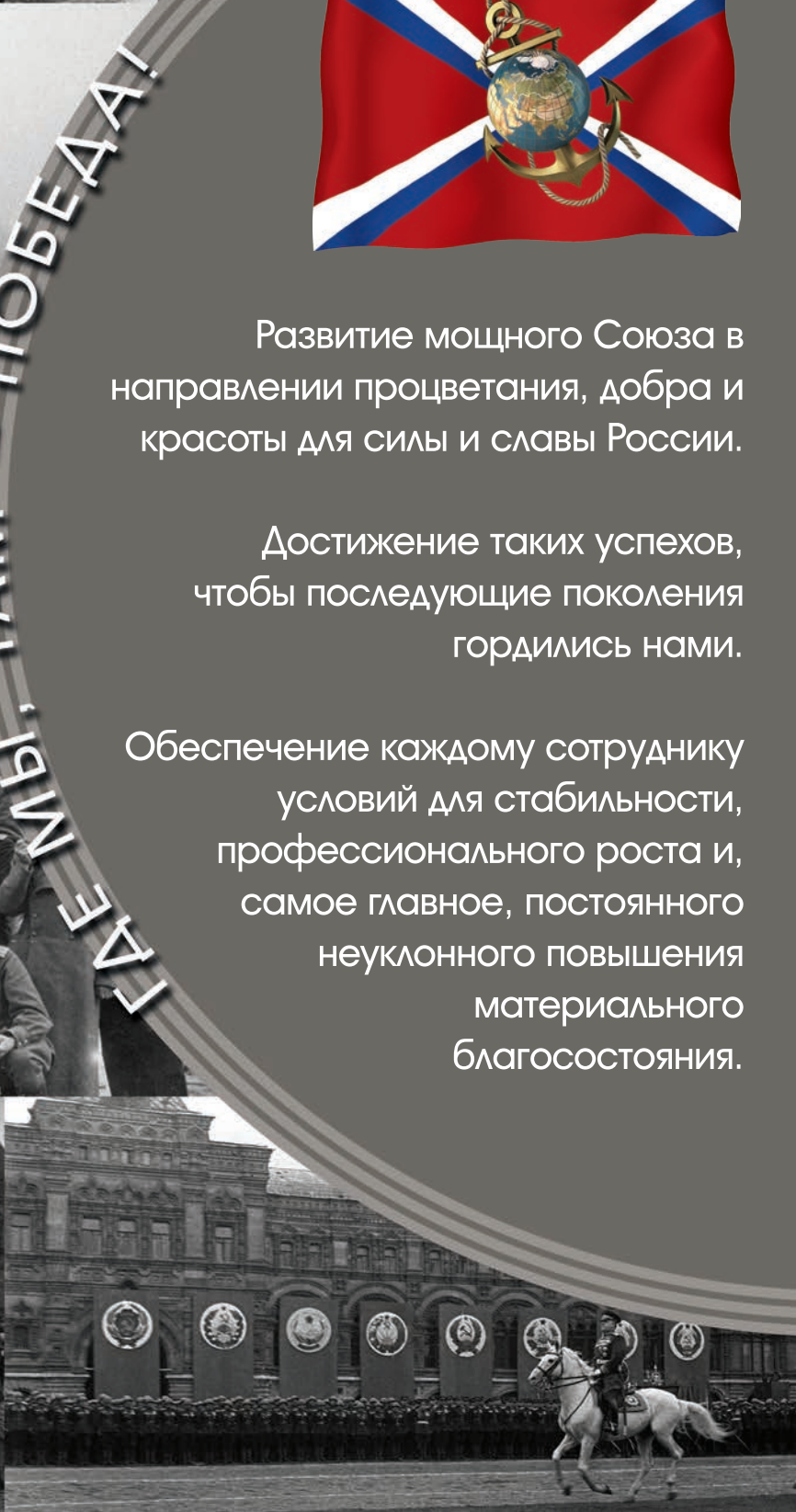
2. Мы — морские солдаты в строю
И готовы на подвиг и в бой
За российскую землю свою.
И не надо судьбы нам иной!

3. Флаг Андреевский вновь над кормой.
Свято чтим мы заветы Петра.
И «Полундра» — наш клич боевой,
Грянем русское наше «УРА!»

И «Полундра» — наш клич боевой,
Морской пехоте «СЛАВА!» «УРА!»

СОЮЗ «МАРИНС ГРУПП»

Развитие мощного Союза в направлении процветания, добра и красоты для силы и славы России.

Достижение таких успехов, чтобы последующие поколения гордились нами.

Обеспечение каждому сотруднику условий для стабильности, профессионального роста и, самое главное, постоянного неуклонного повышения материального благосостояния.

ТАМ — ПОБЕДА!